

ОТВЕТ НА КНИГУ КИРИЕНКО

«1613 г. от чести и славы — к подлости и позору
февраля 1917 г.»

**Сборник статей
членов Объединения чинов
Корниловского Ударного Полка.**

П а р и ж

1965.

ОТВЕТ НА КНИГУ КИРИЕНКО

«1613 г. от чести и славы — к подлости и позору
февраля 1917 г.»

**Сборник статей
членов Объединения чинов
Корниловского Ударного Полка.**

П а р и ж

1965.

Генерал - от - Инфантерии
Лавр Георгиевич Коршилов

" И. КИРИЕНКО В ПОГОНЕ ЗА СЛАВОЙ ".
-----В М Е С Т О П Р Е Д И С Л О В И Я

На поверхности взбаламученного моря русской эмиграции с некоторого времени начали всплывать "писатели", трогательно объединившиеся с большевиками в поношении Белого движения и его Вождей. Кошунством веет от их попыток доказать свою верность (очень запоздалую) Царю-Мученику. Но особенно отвратителен прием, к которому они прибегают при этом. "плюньте на могилы ваших Вождей, ваших соратников, так как все они были изменники, подлецы, хамы и дураки. Только мы, мол, "светлые личности", можем научить вас, как надо любить свою Родину и бороться за нее". Избави Господь Бог нас от таких учителей, растлителей души белых воинов. Спасши свою драгоценную жизнь за их спинами, всю силу своего злопыхательства они вложили в своеобразную "патриотическую деятельность": погасить в наших душах тот светоч, который был зажжен в далеких степях Кубани и который спас честь русского имени. Тон похода против основоположников Белого движения задал некий Якобий. Дебютировал он выпуском книги "Император Николай 2-ой и революция", а затем перекочевал во "Владимирский Вестник", превратившись из историка в мастера заборной литературы ("Вестник" издается в Бразилии). Строительный Комитет Храма-Памятника в Брюсселе просил Генерала Тихменева, бывшего Председателя Союза ревнителей памяти Императора Николая 2-го, а еще раньше - одного из старших генералов при Ставке в Могилеве и живого свидетеля событий, описанных в книге Якобия, дать оценку этой книги. Генерал Тихменев, отдав должное той части книги, где описан мученический путь Императора, дает убийственную оценку ее в той части, где автор касается окружения Монарха и роли этого окружения в трагические дни отречения Государя.

" Историческая правда чужда произведению Якобия", пишет Генерал Тихменев. " Искажения истины умышленны, так как книга г. Якобия есть ни что иное как исторический памфлет. И ей присущи все свойства такого рода произведений: умышленная историческая полуправда, которой придан вид правдоподобия... произвольность и односторонний подбор цитат, умолчание о фактах, не отвечающих целям автора или искажение таких фактов, личные, ни на чем не основанные домыслы, чтение в чужих сердцах, незаметное пополнение и продолжение чужими словами цитат. Словом - все грехи недобросовестности памфлета в целях создать обвинение всех в преступлении измены ради вульгарных целей... и к этому свести все причины возникновения и развития революции... Поистине печально по духовной нищете историческое представление автора! Самодовольно, строго осуждать реши-

тельно всех, как это делает автор, можно лишь считая самого себя совершенно свободным от малейшей доли ответственности за деяния, которую несут все русские люди. . . Белая одежда автора, очевидно, была украшена подвигами действительной борьбы против бунтовщиков или подвигом искупления. Между тем я, может быть случайно, нигде не слышал имени Якобия среди свершивших этот подвиг. . .", выдержки из письма на имя Н. И. Котляревского, 1-9-1934 г.

От себя я должен добавить, что Якобий позднее такой "подвиг" совершил в виде сотрудничества с Поль Мазури, написавшим для экрана пьесу "Распутин" (деньги, ведь, не пахнут!). Не получив признания своих талантов в Европе, Якобий перенес свою патриотическую деятельность под крылышко "Владимирского Вестника", специализировавшись на поношении всех и вся, кто не поверил его "правде".

" В Л А Д И М И Р С К И Й В Е С Т Н И К " (в Б р а з и л и и)

Неказиста роль этого печатного органа, считающего возможным совместить на своих страницах вопросы веры Православной с отпетой руганью по адресу белых воинов и их Вождей. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, если принять во внимание биографию его редактора, некоего Мержеевского. Прибыл он в Чехию с советским паспортом и долго проживал по нем. Убедившись в том, что эта "силькина грамота" не кормит, он ловко заменил ее на беменский паспорт. Уютно устроившись, он решил "ходить в младороссах" и переехал в Бразилию. Долго "Царь", с прибавлением "и Советы", было девизом Мержеевского, верноподданного Казем-Бека. Когда начала выясняться личность Казем-Бека, он торопливо "отчалил от младороссов". Вспомнив о своей дружбе с семьей графа Граббе (отец был когда то управляющим их имением в России), Мержеевский бросился к секретарю Архидиоцессии Собора, протопресвитеру Граббе, за помощью и протекцией. Как не порадеть близкому человечку? Мержеевский стал редактором "Православного органа -Владимирский Вестник-". С ловкостью заправского пресидижитатора он обломал ту часть девиза, где было написано "и Советы", оставив часть с надписью "Царь". Все же у Мержеевского не было полной уверенности, что ему поверят в преданности Престолу. Тут то и были призваны на помощь сам Якобий и его теплая компания в лице Рклицких, Снитниковых, Кириенко. "Писатели" старались перешеголять друг-друга в выборе хлестких выражений заборного жанра, чтобы по сильнее лягнуть мертвых героев. А с других страниц "Вестника" смотрел скорбный лик Царя-Мученика, во имя которого старались мракобесы.

Тот же Генерал Тихменев, ныне покойный, так характеризует эту шумливую деятельность: "Мне тяжелее, чем Вам, знать и читать ту гадость, а, главное, глупость, которую помещает "Владимирский Вестник". Тяжелее вот почему. Вы защищаете память мужа (Генерала Деникина) и Белое движение, в чем мы с Вами единомышленны. А мне еще надо защищать монархическую идею против монархистов или, вернее, тех, кто себя таковыми считают. . . Перемывать пошлые сплетни об Алексееве, порочить Рузского, клеветать на Корнилова, Деникина,

Колчака, Кденича и других, это до последней степени глупо. Это даже хуже, чем просто подло. Монархическую идею надо защищать Церковно, исторически, идеологически (и для этого достаточно данных!), а не руганью и, особенно, руганью истерической, кликушеской и, тем более, не клеветой. Такие "деятели" унижают и принижают монархическую идею, которая должна протекать в величественной и чистой плоскости". (Из письма Генерала Тихменева К.В. Деникиной).

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЕНЕРАЛА КИРИЕНКО В БРЮССЕЛЕ .

Слепым подражателем Якобия явился мало известный до этого Генерал-майор Кириенко. По стилю и по теме в своих выступлениях это близнецы. Поэтому приведенная выше оценка Генералом Тихменевым выступлений Якобия и "Владимирского Вестника" полностью применима и к выступлениям Кириенко. Последний, как и Якобий, проходил свой стаж "иракобесия" в Европе. Чувствительное сердце Мержеевского не могло, конечно, примириться с тем, что такой для него "подходящий человек", да еще "генерал", скандалится в Европе. Прикинув в уме все выгоды, редактор "Владимирского Вестника" решил все же рискнуть и открыл гостеприимные двери своего органа незадачливому генералу, ухлопав на издание его книги немало денег неизвестного происхождения. Но об этой книге речь будет дальше. А сейчас я хочу несколько подробнее остановиться на "стаже" генерала в Европе. Пользуясь своим положением в Корпусе Императорской Армии и Флота, Кириенко решил в 1952 году, что для него настала пора "действовать". Подвернулся и удобный случай "экономного действия": распространить свою "литературу" вместе с порученным ему для рассылки обращением Е.И.В. Великого Князя Владимира Кирилловича к свободному миру. Дешево и сердито!

Одну из таких листовок получил и Начальник группы Корниловцев в Бельгии в ту эпоху, и при таком сопроводительном письме: "Многоуважаемый Господин Капитан Таранов! Препровождаю при сем обращение Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича к свободному миру. Вот верный и единственный путь для всеобщего объединения! Посылаю Вам также и четыре копии, которые произведут на Вас тяжелое впечатление, но правда-важнее всего и я, по долгу совести перед Богом, Царем и Родиной, не смею унести с собою правду о том, что я видел, слышал и знаю, в могилу и упорно ее замалчивать, что делают сейчас все "вожди". Я также написал свои воспоминания для газет под заголовком "1613 г. - от чести и славы - к подлости и позору 1917 г.", но сомневаюсь, что наши "демократические" газеты это напечатают, им нужна только ложь!.. Уважающий Вас И. Кириенко".

Пересказывать содержание листовок Кириенко бесцельно, так как они дословно повторяют уже напетую Якобием пластинку о "предателях-генералах". Но нужно отдать должное Кириенко: он обскакал своего учителя, Якобия, в неистовой злобе против Генерала Корнилова, возведя на последнего обвинение в "предательстве Родины". Это и вызвало необходимость моей, как Возглавляющего Корниловцев, отповеди

на подобную провокацию. Привожу текст ее :

"Милостивый Государь, Господин Кириенко! Имея мои указания, запрещающие Корниловцам вступать в полемику с авторами памфлетов на Генерала Л.Г. Корнилова, Н.М. Таранов (Начальник группы Корниловцев в Бельгии) переслал мне Ваше письмо, адресованное ему а также Ваши листовки жанра "Якобий и Ко", приложенные к письму. В виде исключения я именно Вам хочу, в порядке частного письма, сказать, какое впечатление производят эти листовки. Оно, действительно, тяжелое, но смею Вас уверить, не от их содержания остается тяжесть, а от отвратительного приема, к которому Вы прибегаете, предлагая свою "литературу" в виде бесплатного приложения к чистому и высокому обращению Великого Князя Владимира Кирилловича к свободному миру. Что касается Ваших листовок по существу, то от них остается такое впечатление, какое производят скверные анекдоты. Все построено или на источниках О.Д.С. ("одна дама сказала") или списано с чужих шпаргалок. Но цель, которую Вы преследуете, бьет в глаза. Сомнительные лавры Якобия не дают, видимо, Вам покоя. Вы решили его "догнать и перегнать". Первый специализировался на обвинении Генерала Корнилова в "предательстве Царя", отдавая должное его заслугам перед Родиной. Вы же в своем рвении, попирая факты, правду и логику, доказались до утверждения, что Генерал Корнилов был предателем и Родины и поэтому, мол, не памятники нужно ему ставить, а "позорную доску на общественной площади". Нужно быть или очень нелестного мнения о читателях Ваших листовок или слепо следовать чьей-то подсказке, чтобы рассчитывать на успех той версии о побеге Генерала Корнилова из плена, которую Вы со злорадством публикуете "Генерал Корнилов был обработан Австрийским Генеральным Штабом и подброшен в Россию для устройства будущей революции". На чем же основывается эта версия, стоящая в вопиющем противоречии с документами и фактами об обстоятельствах побега Генерала Корнилова? Оказывается, на милой беседе, которую имел австрийский генерал (бывший комендант лагеря, из которого бежал Генерал Корнилов) с покойным Генералом Васильевым, более поздним сидельцем этого-же лагеря. Удивительной болтливостью отличаются австрийские генералы, разбалтывающие тайны государственного характера первому встречному! Причем надо принять во внимание, что в те далекие времена даже "болтливые генералы" не могли рассчитывать на безнаказанность и безответственность, как в наши печальные дни.

У меня нет основания утверждать, что беседа австрийского генерала с Генералом Васильевым не имела места. Но есть все основания думать (если беседа эта и была!), что австрийский "болтливый генерал" выполнял заказ своего командования, почувшавшего ту угрозу, которую представляет собой бежавший из плена Генерал Корнилов, ставший уже Вождем Российской Армии. Спровоцировать его и дискредитировать - один из излюбленных приемов наших врагов в войну 1914-18 гг. Чем же можно объяснить Ваше желание протиснуть эту версию в эмиграцию, придав ей характер "убедительной правдоподобности" ?

Вы даже пытаетесь опереться на Генерала Флуга. Но сам Генерал Флуг, вероятно, был бы удивлен той смелостью, с которой Вы склонны

толковать его ответ на Ваш запрос. В ответе Генерала Флуга есть лишь подтверждение того, что Генерал Васильев подобный "доклад" написал и он его читал, но самый факт передачи этого доклада в архив (кстати сказать - пропавший) говорит о той осторожности, с которой Генерал Флуг отнесся к нему.

Второй случай, которым Вы хотите покрепче "лягнуть" Генерала Корнилова (пресловутое награждение унтер-офицера Кирпичникова "за убийство своего офицера"), тоже списан Вами со шпаргалки Якобия. В свое время вдова Генерала Деникина, давая отповедь ему, писала: "Весьма возможно, что среди награждаемых в ту смутную эпоху были и недостойные. Но всякому понятно, что Главнокомандующий не мог точно знать заслуг каждого, представленного к награде. А в то, что Генерал Корнилов наградил солдата за убийство своего офицера, не поверит даже лютый враг. Поистине надо иметь "печальное по духовной нищете представление автора", чтобы оперировать подобными обвинениями".

К этому я мог бы прибавить свидетельство офицеров Волынского полка, подтвержденное Генералом Архангельским (коренной Волынец) о том, что убийцами Капитана Ляшкевича были два других солдата, а Кирпичников был награжден по совершенно иному поводу.

Дешевой театральностью веет от Вашего патетического заявления: "Я не могу уносить с собою в могилу то, что я видел, слышал и знаю и что необходимо, для торжества правды, широко распространять". Но тот, кто захотел бы увидеть в Вашей "правде" и в желании ее распространять, подражание советским приемам на разложение эмиграции, он имел бы к тому полное основание. Сомнительную ценность Вашей "правды" Вы чувствуете и сами, когда пишете с явным огорчением: "сомневаюсь, что газеты это напечатают". Почему бы Вам не обратиться в орган советской печати? Я уверен, что Ваша "литература" заняла бы там почетное место.

Май 1952 года, г. Париж.

М. Б о я р и н ц е в .

П.С. - Простите меня за нарушение трафарета, по которому обычно пишут "уважающий Вас" и т.д. В данном случае выполнение его было бы большим лицемерием. М.Б.

Пропаганда "за чужой счет" видимо не удовлетворила Кириенко: 12 апреля того же года он, собрав вокруг себя род "веча", выступил в Брюсселе на открытом собрании, посвященном той же теме. Так как приглашения на собрание были "по выбору", то аудитория составила соответствующая, но не блистала многолюдством (десяток два любителей сенсаций). Все же это бестактное выступление вызвало во всех (кроме, конечно, "якобийских") кругах волну возмущения. Начальником Русского Обще-Воинского Союза (в ту эпоху - Генерал Архангельский) было издано циркулярное распоряжение по Союзу следующего содержания:

"За последние годы в среде русской эмиграции появились люди, которые из клеветнических выпадов против Белого движения и его Вождей сделали себе нечто вроде "общественной деятельности". Среди

них наиболее печальную известность стяжал себе некто г. Якобий, проживающий в Бельгии и не только написавший на указанную тему книгу, но периодически издающий также и соответственные листовки, в которых он с особенным озлоблением отзывается о Генерале Корнилове. В апреле текущего года к упомянутым лицам присоединился также "первопоходник" генерал Кириенко, недавно переехавший в Бельгию и занимающий должность в Корпусе Императорской Армии и Флота. Этот генерал 12 апреля с.г. выступил в Брюсселе с особым докладом, на котором, правда, перед весьма немногочисленной аудиторией (в среде коей находился также и упомянутый выше г. Якобий), насколько можно судить по дошедшим до меня сведениям, он, назвав себя основоположником Белого движения, не только отзывался отрицательно об этом движении, но порицал всех Вождей его, генералов Алексеева, Деникина, Врангеля и других и, в особенности, генерала Лавра Георгиевича Корнилова, которого он не только пытался обрисовать совершенно отрицательно, но и приписывал ему действия предательские в отношении России, основывая свои "сенсационные" сведения на показаниях лиц, давно уже покинувших земной мир. Для меня нет и не может быть никаких сомнений, что никакие провокации и клеветнические выступления, "разоблачения", наветы и сенсации не могут омрачить героического ореола, заслуженно окружающего наших почивших Вождей и среди них, конечно, и генерала Корнилова, который жизнью своей и смертью доказал преданность России и никакие "якобии" и "кириенки" не набросят тень на его светлый образ, как бы они ни старались и ни выступали на славу и на пользу какого-то третьего "неизвестного".

Тем не менее, я счел своим долгом немедленно по получении мною сведений о беспримерном выступлении русского генерала, принять все возможные меры как для того, чтобы выяснить те побуждения, которые привели его к такому выступлению, так и к тому, чтобы подобные выступления в будущем не могли иметь места и не вносили бы нежелательной розни в среду русских воинских организаций в эмиграции. Меры эти были тем более необходимы, потому что генерал Кириенко, подражая своему предшественнику по недостойной деятельности, не ограничился своим докладом 12 апреля, а продолжил его, старательно распространяя в среде русской эмиграции не только в Бельгии свои довольно примитивные листовки, в которых продолжал свои порочащие генерала Корнилова "сенсационные" и клеветнические выступления. Мало того, как верх бестактности и, видимо, совершенного непонимания того, что он делает генерал Кириенко эти свои листовки рассылал вместе с выпущенным недавно в свет обращением к свободному миру Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Кирилловича, который с совершенно исключительным достоинством и благородством призывает культурный мир к единению и помощи нашей многострадальной Родине, что уж само по себе обязывает каждого русского человека и патриота подумать о необходимости единства и верности Родине в тяжелый и решительный час. Обязывает продумать и прочувствовать мудрые и честные слова Главы Императорского Дома.

Генерал Кириенко находит возможным соединить слова обращения со словами клеветы, направленной против героя, жизнь свою положившего за други своя и призывавшего нас к вооруженной борьбе за освобождение России и смертью своей доказавшего верность Ей.

Раньше всего, по моему поручению, помощник мой вошел в сношения с Заведующим Корпусом Императорской Армии и Флота, которому должен по служебной деятельности подчиняться генерал Кириенко. В самый короткий срок от генерала Олехновича (из Соединенных Штатов) был получен ответ, что им приняты меры для того, чтобы генерал Кириенко прекратил свою неуместную деятельность. Это означало, что не только по линии Русского Обще-Воинского Союза, но и по линии Корпуса Императорской Армии и Флота более чем сомнительная деятельность генерала Кириенко встретила решительное осуждение, что и неудивительно, так как за последние годы обе эти воинские организации, объединенные общей работой их представителей в Совете Российского Зарубежного Воинства, естественно нашли общие пути для сближения и дружной деятельности во имя общих интересов, препятствием для которой несомненно может оказаться "деятельность" типа генерала Кириенко, предпринятая, по видимому, под влиянием всевозможных "якобиев"..."

Указав далее на то, какое впечатление на чинов Русского Обще-Воинского Союза произвело "гнусное выступление Кириенко", а особенно на тех, кто носит имя Генерала Корнилова, Генерал Архангельский так заканчивает :

"Нам не страшны ни клеветы, ни инсинуации. Правду о наших Вождях знаю все те, кто верен России и кто знает наше прошлое. А для "новой" эмиграции, которую выступления "якобиев" могли бы ориентировать неправильно, я считаю чрезвычайно полезным помещением в русской (и иностранной тоже) печати исторических справок, правдиво описывающих наше прошлое и, в том числе, побег генерала Корнилова из австрийского плена, который лживо осветил в своем докладе генерал Кириенко и который честно и правдиво описал в своих статьях в недавних номерах "Часового" и "Русской Мысли" старший Корниловец, полковник Бояринцев..."

П. п. Генерал-лейтенант Архангельский и помощник, Генерал-Маиор Лампе.

Потерпев фиаско в Европе, обескураженный Кириенко знал, где его поймут, - во "Владимирском Вестнике" -, в передней которого уже подкармливались "якобии" всех мастей. Редактор Мерлеевский потрянул мощной и выпустил в свет книгу Кириенко "1613 г. - от чести и славы - к подлости и позору февраля 1917 г."

КНИГА КИРИЕНКО "ОТ ЧЕСТИ И СЛАВЫ -- К ПОДЛОСТИ И ПОЗОРУ"

Книга вышла в 1963 году в издательстве "Владимирского Вестника" в Бразилии. Уже по одному тому, как долго она пробивала себе дорогу в Америку и Европу, можно судить о степени ее популярности.

Содержание книги можно разделить на три части: 1) -- эпоха, предшествующая революции и революция, 2) -- Белое движение и 3) -- эмиграция. Предисловие написано некими Н. Потоцким, мало кому известным, если не считать членом Народно-монархического движения во Франции, рисуящих его далеко не в светлых красках. С восторженностью институтки перед кумиром подмоетков Н. Потоцкий преклоняется перед "безупречной документированностью и объективностью в оценке лиц и событий автором". А сам автор книги с первых же страниц как бы смеется над такой восторженностью и пишет совсем наоборот и бездокументально и субъективно. Апофеозом предисловия надо считать предупреждение Н. Потоцкого читателям: "можно быть уверенным, что эта книга будет встречена в штыки и левыми и правыми кругами эмиграции..."

Оставим в стороне "институтку" Потоцкого и перейдем к содержанию самой книги. В первой ее части есть, действительно, страницы, которые могли бы быть ее украшением, если бы не были окрашены манерой величия автора, его наивными попытками двумя-тремя хлесткими фразами определить причины крушения Монархии. Путаюсь в событиях, предшествовавших революции и слюняво описывая в засахаренном виде "мужичков", оболавших своего Государя, а "солдатиков" в виде львов, героически дерущихся за Царя, автор вдруг оказался перед необъяснимым явлением: мужички сразу превратились в хамье и грабителей, солдатики же в зверей и насильников.

Офицерский корпус Кириенко делит на три категории. 1) это те, кого ничто не могло отвратить от присяги, 2) -- те, кто готов был по первому приказу жертвовать своей жизнью за Веру, Царя и Отечество, а 3) -- "интеллигентного типа", которые делали заговор, знали о нем и, вопреки присяге, стыдливо молчали (стр. 25). Себя автор книги, конечно, относит в первую категорию. А чтобы читатели в этом не усомнились, он приводит только один пример: как он предлагал Генералу Алексееву "спасти Государя" и как Алексеев "запретил ему это делать". Можно ли найти более убедительное доказательство тому какой "изменник" был Генерал Алексеев и как ему и таким "дуракам" как Деникин и "никому неизвестному Корнилову" могли доверить ответственную роль в Армии, когда "гениальный" Кириенко прозябал на ролях Командира полка? Когда читаешь его книгу, остается определенное впечатление, что она написана именно для того, чтобы показать превосходство автора над всеми остальными.

С такой же несостоятельностью, как в вопросах стратегии, Кириенко пытается исследовать причины русской революции и русской трагедии. Если она разразилась, то только потому, что его не пустили "наводить порядок" в Петрограде. А ведь для успеха нужно

было нечто большее, чем подавление бунта солдат и рабочих, ибо зараза шла сверху: Трон подтачивали многие лица, принадлежащие к Царствующему Дому, а не только те, кто махал красными тряпками. Измена долгу и присяге — есть всегда измена, будь то парадный марш полка полковника Кириенко для приведения к присяге Временному Правительству (Кириенко утверждает, что он не знал о приказе Государя) или парадный марш Гвардейского Экипажа во главе с его командиром, украшенным красным бантом, или газетные интервью Высочайших Особ с поношением павшего режима, или гвардейский запасный батальон, на штыках которого, как маки, зацвели красные банты. Посмеиваясь над убеждением Н. Потоцкого, что книга Кириенко написана с исключительной беспристрастностью и объективностью, автор ее делит изменников по своему вкусу и "по своим потребностям". Поэтому и получилось, что некоторые настоящие изменники попали в разряд "благодетелей эмиграции", некоторым он навесил "фальшивку об измене", а себя отнес к той категории, которая, обычно, прикрывалась упрощенной солдатской формулой: "мы люди темные, миблизованные". У меня нет ни намерения, ни желания производить раскопки далеких событий в поисках обвинений одних и оправданий других. Все мы, от мала до велика, от принца княжеской крови и до простого солдата, повинны в смертном грехе отступничества от судьбы мученика Государя, светлое имя которого надо поминать в Храме, а не трепать в полемике, как это делает Кириенко со своими наставниками.

Попытка Кириенко анализировать причины военных неудач так же не по плечу автору, как и розыски виновников трагедии России. Детски наивные рассуждения о "неспособностях" высшего командного состава Армии, о его стратегической непригодности, заводят автора книги в бездну противоречий. Например, на стр. 29 он пишет: "Русская Императорская Армия весь 14-ый год и на всех фронтах оказывалась победительницей..." А немного ниже, на стр. 31, можно прочесть: "Армия без всякого сожаления приняла смену неудачного командования Великого Князя Николая Николаевича, при котором Армия могла откатиться за Урал..." Но логическое мышление для автора книги — наука непостижимая. К тому же, он не мог не знать, что утверждение, будто "Армия приняла без всякого сожаления смену неудачного командования" сильно грешит против фактического положения. авторитет Великого Князя Николая Николаевича был очень высок в Армии, а Ставка пыталась отговорить Государя от влияния тыловых героев — взять на Себя командование Действующей Армией, так как всякая неудача на фронте ложилась бы тенью на Венценосца, а Его отдаление от центра управления страной связано с большим риском (что, впоследствии, и подтвердилось). Но автору книги надо было найти предлог, чтобы плюнуть и в могилу покойного Великого Князя.

Я тщательно искал в этой части книги Кириенко хотя бы одну светлую личность (кроме него самого), хотя бы одного умного военачальника (опять таки, кроме него) или, даже, просто порядочного человека. Даже в лупу нельзя было найти такого. Но от "сияния личности автора" слепило глаза...

КИРИЕНКО В БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ .

Надо признаться, что Кириенко все же не лишен юмора. Об одном юмористическом примере я упомянул раньше, когда автор книги описывал, как ему Генерал Алексеев "запретил спасти Государя". Кстати сказать, в других случаях Кириенко не проявляет такой "дисциплинированности": отказывался, пока не заставили, освободить свою повозку под раненых в 1-ом походе. Еще раньше этот юмор проявился у автора, когда он без улыбки заявляет претензию, чтобы его считали "основателем Добровольческой Армии". Это настолько комично, что на ум невольно приходит поговорка, применяемая к некоторой категории людей, которым "закон не писан". По Кириенко выходит, что если он на неделю раньше выстрелил в большевиков, то он и "основатель". Да и непонятно, почему он добивается чести, чтобы его считали основателем движения, которое он тут же начинает поносить самой отборной руганью? Пройдем мимо. Таким же комическим надо считать заявление Кириенко о том, что его "обходили по службе" потому, мол, что он не скрывал своих монархических убеждений. А почему у других эти убеждения не были препятствием для повышения по службе? Ведь монархистов в Добровольческой Армии было большинство. Такая же прослойка была и в Корниловском полку, особенно после 1-го похода, когда в полк начали вливаться пополнения из участников войны 14-18 гг.

Глупость, конечно, утверждать, что Корниловские полки формировались по "революционному подбору", как это делают "якобии" всех видов. И командный и солдатский состав (преимущественно из рядовых офицеров) в них был такой же, как и в других полках. Часто нам, Корниловцам, ставят в упрек ту строфу нашей полковой песни, где говорилось :

" Мы былое не жалеем,
Царь нам не кумир.
Лишь надежду мы лелеем
Дать России мир. "

Считать первые две строчки за "политическое кредо" Корниловцев могут только люди с большим воображением или с провокационными целями, так как последующие строчки раскрывают настоящий смысл первых двух. Корниловцы борются за Россию, спасение которой для них превыше всего. Конечно, эта концепция не похожа на Кириенковскую и кучки его единомышленников. Для них Россия — нечто вроде партийной лавочки и иная им не нужна. Возвращению России на ее исторический путь Корниловцы будут радоваться не меньше, чем "кириенки". Но, если после свержения большевиков, ей суждено пойти другим путем, то и тогда они не отвернутся от нее. Так просто и ясно. Поэтому Корниловцы входят в организацию Русского Обще-Воинского Союза, исповедующую принцип "непредрешенчества", приводящий

"якобийцев" в бешенство. Поэтому Корниловцев можно встретить и в Союзе ревнителей памяти Императора Николая 2-го, и в кадетских объединениях, и в роли пастырей разных юрисдикций, и в народно-монархическом движении. Поэтому же они легко отказались от приведенной выше строфы своей полковой песни, когда выяснилась провокационная тенденция ее толкования.

Всякого рода вымыслы, что Корниловцы "стреляли по палатке, из которой доносилось пение "Боже, Царя храни!", устраивали скандал в ресторане, где тоже пели гимн" - сплошная чушь и глупость. Я сам был в Галлиполи (где был Кириенко, не знаю, но, конечно, не в Галлиполи) и никогда не слышал "стрельбы". А если в кабаке Новороссийска пьяные собутыльники запевали Русский гимн, то их поведение мало разнится от поведения двух-трех пьяных Корниловцев, мешавших профанации гимна. Но Кириенко ко всему подходит с двумя мерками: одна - для себя, другая для остальных. Возьмем, хотя бы, такой случай. на стр. 24 своей книги Кириенко пишет: "Там, где гибли братья, где смерть равняла всех, где решались вопросы бытия Отечества, там не было места чувству самосохранения, а был долг и сознание офицерской чести..." Но вот стоило только Генералу Корнилову отрешить полковника Кириенко от командования полком, в пух разлетелись и "долг и сознание офицерской чести".

Здесь то и зародилась злоба Кириенко против Генерала Корнилова. Местом (с достаточными основаниями) критикуя поведение многочисленных толп офицеров, оставшихся в Ростове, автор книги отличается от них лишь предусмотрительностью: лучше кататься в обозе Добровольческой Армии, чем подвергать себя риску, оставшись в Ростове. Как примирить то высокое понимание офицерской чести, которое сквозит во всех отзывах Кириенко о самом себе и его равнодушие, с которым он смотрел из обоза, когда Добровольческая Армия истекала кровью в 1-ом походе? А теперь, на потеху читателям своей книги, он горделиво приписывает себе славу подвигов первопоходников, непрерывно повторяя: "мы атаковали", "мы ворвались", "мы погнали". Везде "мы.., мы.., мы..." Ни в одном описании 1-го похода нельзя найти, когда обоз "атаковал", "врывался", "гнал противника". Но что поделаешь с неуправляемой манией величия Кириенко? У него даже нет сознания, как он смешон, когда бахвалится удостоверением на право ношения знака 1-го Ледяного похода (обозники, обычно, получали вторую степень знака), где значится: "В воздаяние воинской доблести и отменного мужества в боях и понесенных трудов и лишений в первом Кубанском походе..."

Свою обиду на Корнилова Кириенко перенес и на своих же мучеников-героев "георгиевцев". Обиделся и на Капитана Неженцева за то, что ему, а не автору книги дали в командование Корниловский ударный полк. Смерть Капитана Неженцева (убит под Екатеринодом) была очень чувствительным ударом не только для Корниловского полка, но и для всей героической Армии. У Кириенко же, претендующего на роль "историка", не нашлось иных слов в книге, как полупрезрительная фраза: "кстати сказать, в этот день был убит

и капитан Неженцев..." А уж о смерти Корнилова его описание - шедевр бесстыдства и глумления. Он пишет: "Провидение спасло нас-разорвавшимся снарядом Генерал Корнилов был убит в доме, расположенном на берегу Кубани, на виду у красных..." И это пишется о человеке, на которого в разгул революции вся Россия смотрела как на свою надежду, а Добровольческая Армия обожала!... Невольно вспоминается басня Крылова "Слон и моська".

Попутавшись в несвязных рассуждениях о том, какому командующему и где надлежит быть ("Корнилову не место в арьергарде дивизии", "Алексееву не приличествует сидеть в вагоне", "Деникин из трусости выбирал место подальше от огня"), Кириенко после 1-го похода и болезни определяет свое место в Добровольческой Армии и, конечно, с учетом степени безопасности: в тылу, комендантом штаба корпуса Генерала Кутепова. Тыловой район штаба корпуса, особенно в гражданскую войну, охватывал очень широкую и глубокую полосу. Одной из обязанностей коменданта штаба корпуса было поддержание порядка в тылу. Комендантские команды и другие нестроевые соединения были вооруженной силой для такого назначения. Как же Кириенко справлялся со своей ролью? Описывая в самых мрачных красках безобразия тыла, он по своему обыкновению всю вину взваливает на других. Получив из рук "презренного изменника, труса и дурака Деникина" производство в генерал-майоры, Кириенко с гордым сознанием совершенных им подвигов, не забыв записать в блокнот, сколько у престарелого Генерала Архангельского "царапин", отплывает с Русской Армией за границу и начинает здесь в ускоренном порядке подготавливаться к "общественной деятельности".

КИРИЕНКО - В ЭМИГРАЦИИ

Эвакуировавшись за границу, Кириенко вел себя прилично и даже, став Председателем Главного Правления Союза участников 1-го Кубанского имени Генерала Корнилова похода (Белград), выпускал время от времени газету "Первопоходник", где не только не было речи о "бесталанности" Великого Князя Николая Николаевича, об "изменах Алексея Деникина, Корнилова", о "зловредности белой идеи", а наоборот, в восторженном тоне говорилось о подчинении Союза Генералу Врангелю, а через него и Великому Князю Николаю Николаевичу, помещались портреты Вождей 1-го похода и Белого движения, включая Генерала Деникина, как "одного из плеяды славных Вождей, ныне благополучно здравствующих". Под каждым портретом была статья, дабы "дать возможность широкой публике быть осведомленной о походе, ознакомиться с его героями..." (письмо на имя Генерала Шаперон, мужа дочери Генерала Корнилова, за № 257, от 10 июня 1926 года). Ведь тут уж смешно ссылаться на солдатское "мы-люди темные, миблизованные" !

Некоторую склонность к "прозрению и познанию истины" Кириенко начал проявлять с тех пор, когда Генерал Врангель исключил его

из Русского Обще-Воинского Союза. Стало легче распоясываться и вспомнить свои обиды на Корнилова. В то время у Кириенко не было еще таких опытных учителей как Якобий и он, в присутствии многих генералов, клялся, что сам слышал, как Генерал Корнилов на сходе в какой то станице говорил. "Я имел счастье арестовать Царскую Семью и Царицу-изменницу". На это Генерал Казанович заявил "Вы лжете!". Обиженный Кириенко вызвал Генерала Казановича на дуэль. По Кириенко, дуэль не состоялась потому что секунданты Генерала Казановича поспешили предупредить о ней свое начальство, запретившее поединок. А вот полковник Николаев, один из секундантов Генерала Казановича, пишет: "мы установили, что сведения о дуэли просочились, благодаря докладу противной стороны по своей линии..."

В доказательство склонности Кириенко к передергиванию можно привести и еще пример из книги Кириенко. Он, например, свой уход из Р.О.К. (Русский Корпус) объясняет как протест против захватнических целей Германии в отношении России и против намерения немцев одеть участников Корпуса в немецкую форму (стр. 198). Если сравнить даты "переодевания" и "прозрения целей немцев" с датой ухода из Корпуса, то мотивы последнего сильно пообеднеют. В Корпусе за Кириенко крепко установилась репутация "злого гения". На себя он смотрел как на "вождя монархического движения", призванного изгонять "добровольческий дух" у участников Р.О.К. Все это привело к тому, что немцы изгнали его из Корпуса на радость остальным. Теперь Кириенко одевает на себя тогу "пострадавшего за идею". Бедный страдалец, который сам не понимает, что не он страдает за идею, а идея страдает от такого ее защитника. Лучшим способом "защиты идеи" он избрал поношение всех инакомыслящих, обливание грязью всего того, что не укладывается в рамки его мышления и чему еще вчера он страстно поклонялся.

Процесс "прозрения" от былых заблуждений продолжался необычно долго. Учителя ли типа Якобия и Мержеевского не обладали нужными талантами или ученик был неспособен, сказать трудно. Даже вынужденная перебежка в Корпус офицеров Императорской Армии и Флота не обязывала Кириенко погружать в грязь свои вчерашние верования. Если исключить предположение, что "дальний прицел" с выпуском своей книги Кириенко направлял на получение благоволения очередного Хрущева (цели то, ведь, схожие-развенчать Белое движение и его Вождей), то остается только злость, руководившая автором книги. Ею пропитаны вообще все страницы. Но особенно она пышет там, где автор касается Корнилова и Корниловцев.

С последними он встретился в 1917 году в Киеве, когда Корниловский полк был вызван с фронта для наведения порядка. Описывает он его как недисциплинированную и необученную толпу, хотя обратная репутация полка была широко известна в Армии. Делает невинный вид удивления. почему Корниловский полк оказался в Чешском Корпусе? а командира полка презрительно называет "этот чешский капитан Неменцев". Обвиняет Корниловцев в том, что они "бросили на произвол судьбы мать городов русских-Киев и командующего войсками этого города..." При этом стыдливо умалчивает о том,

что сформированный им в Киеве "Георгиевский полк" был как раз и назначен для охраны командующего, а затем побратался с большевиками и вел осаду Киевского Военного Училища, где засели Корниловцы. Полк вышел из города после неоднократных попыток "георгиевцев" его разоружить, не забыв при этом обеспечить эвакуацию юнкеров, оборонявшихся вместе с Корниловцами. Полковник Кириенко, командир героических георгиевцев, в это время мечтательно прогуливался в "Кадетской роще", раздумывая, что ему делать, пока не решил с оставшимися верными из всего полка 16 офицерами и 10 солдатами направиться на Дон. Память может изменить каждому. Но когда это делается сознательно и умышленно, то такое явление принято называть просто жульничеством. Поражает и упорное желание воскресить в Добровольческой Армии оскандалившийся "Георгиевский полк" под тем же названием, как это пытался сделать Полковник Кириенко, упорно называя "полком" то, что обычно называют "ротой" или "батальоном".

Злоба на Корниловцев рикошет той ненависти, которую питал Кириенко к Корнилову и возникновение которой было описано выше. А в ненависти к Корнилову автор книги перешагнул даже своих учителей. Поняв, насколько неумно опираться на Генерала Флуга как на "неопровержимое доказательство измены Корнилова России" ("заброшен австрийским штабом для революции, а не бежал из плена"), Кириенко в своей книге придает больше веса "логическим заключениям", объясняющим то, что Корнилова комфортабельно (на манер участия Кириенко в 1-ом походе) привезли чуть ли не на автомобиле к русским позициям и "запустили" на русскую сторону. На чем же обоснованы эти заключения? 1) когда пишут о побеге Корнилова из плена, то не указывают ~~ж~~ров, чисел и подписей на приказах о розыске... Довод похожий на то, как если бы Кириенко сказали: "в Вашей версии нет номера автомобиля, на котором привозили Генерала Корнилова". Да и отсутствие "убийственных данных" не тем, что их нет (они обильны), а недостатком места в наз. статьях. 2) Стиль приказов о розыске бежавшего Корнилова автор книги считает "невоенным" и поэтому поддельным. Выходит, что приказы писали невоенные, а "операцию" вели военные... 3) Наличие у Корнилова перед побегом карты, компаса и 20.000 шил. является тоже доказательством его версии. А ведь в плену скрывали и не такие мелкие вещи (например - знамя одного из полков Варшавской гвардии). Шиллинги же пересчитал и положил в карман Корнилова сам Кириенко, ибо в описаниях побега только говорится об обещании заплатить Мрняку за помощь эти деньги. А, при удаче, русское правительство заплатило бы и больше... 4) Участие в подготовке побега пяти человек Кириенко не отрицает. Но тогда нужно было бы признать, что и "помощники" были в стачке с австрийским штабом, как равно и Чешское Правительство, наградившее Мрняка за помощь Корнилову очень широко, разрешив ему даже публичные доклады на эту тему в русских кругах Чехии (переводчиком был кн. Солнцев-Засекин). Вообще, логика Кириенко превращается в абсурд, нужный только для игры краплеными картами. Ее нельзя даже назвать "бессознательной", ибо каждый раз, когда в книге идет речь о Генерале Корнилове, автор приходит в

такое бешенство и льет на него такую грязь, что невольно хочется послать психиатра для его освидетельствования.

Все то, чему его учили во "Владимирском Вестнике" нашло свое повторение в книге, вплоть до сомнительной по чистоплотности "комбинации с письмом покойного Генерала Манергейма". Здесь уместно сказать несколько слов об этом письме. Получено оно было В.В. Ореховым (редактор "Часового"). Во время летучего разговора В.В. Орехова с Генералом Архангельским на тему об этом письме, в комнату вошел Н.М. Котляревский. Услышав, что речь идет о письме Манергейма, он попросил разрешения с ним ознакомиться. Предупрежденный о том, что письмо носит доверительный характер, Н.М. Котляревский вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся обратно. Впоследствии выяснилось, что за этот промежуток времени была снята с письма копия и любезно подсунута Якобию для его целей. Генерал Манергейм, узнав об этом, затребовал свое письмо обратно, что и сделал В.В. Орехов. Последний, встретившись затем с Н.М. Котляревским, бросил ему в лицо эпитет, которым называют обычно людей, дающих "честное слово" и несдерживающих его. Тут же В.В. Орехов добавил, что "копия" совершенно не соответствует оригиналу. Заявление о таком "несоответствии" было сделано В.В. Ореховым и в печати.

Характерный пример, какими неразборчивыми средствами пользуется теплая компания из "Владимирского Вестника" для достижения своих целей. Для них неважно, что из различного рода разъяснений и опровержений их инсинуаций можно было бы составить целую толстую книгу очень авторитетных свидетельских показаний. Им важны только те, что они находят в мусорном ящике интриг и сплетен. Недаром Кириенко восхищался тем, что после его доклада в Брюсселе к нему подошел какой то солдат и покровительственно ему говорил. "да, мы что то похожее слышали на фронте..." Не знаю, хлопал ли он при этом "генерала" по плечу или нет. Конечно, против такого "авторитета" уж спорить трудно: "Корнилов-изменник, предатель, австрийский шпион!" Все же я рискну привести свидетельство может быть и не такого авторитета как Кириенковский солдат и покровитель, но все же свитского генерала Гартман, дополняющего в своем обращении к Ее Императорскому Высочеству Великой Княгине Елене Владимировне ту "массу показаний", из которых, как я писал выше, можно было бы составить толстую книгу. Письмо, помещаемое ниже, нигде в печати опубликовано не было. Привожу его в выдержках:

" Ваше Императорское Высочество !

Г. Котляревский, пером г. Якобия (оставаясь сам в стороне), предъявляет Генералу Корнилову три обвинения. Все три не отвечают правде. Разберу их по очереди: 1) - Генералу Корнилову ставят в вину, что с первых минут революции он прибыл в Петроград, чтобы отдать себя в распоряжение Временного Правительства и играть революционную роль. Это неверно. Генерал Архангельский, в то время

Дежурный Генерал Главного Штаба, показывает, что когда начался хаос, то он сам с Генералом Верьяновым, Генералом Михневичем и начальником Морского штаба советовались, как восстановить снабжение армии всеми видами довольствия, приостановленное беспорядками, что грозило фронту катастрофой. Они пришли к заключению, что необходимо поставить во главе Петроградского военного округа энергичного и боевого генерала. Выбор их пал на Генерала Корнилова, овеянного боевой славой. Названные генералы отправились в Таврический дворец и настояли перед Родзянко о посылке телеграммы в Ставку. Родзянко отправил телеграмму Алексееву, прося его вызвать в Петроград Генерала Корнилова. Эту телеграмму Генерал Алексей Генералу Корнилову не отправил (см. "Очерки Русской Смуты" Ген. Деникина, стр. 76 т. 1), но послал ее Государю Императору. Государю угодно было написать на этой телеграмме "ИСПОЛНИТЬ". Только после этого Генерал Алексей предписал Генералу Корнилову ехать в Петроград и принять командование Округом. Все эти события описаны в воспоминаниях Генерала Лукомского (гл. 5, стр. 141 и 201). Г. Якобий, ссылаясь на те же воспоминания, об этом факте умалчивает. Генерал Корнилов, приехав в столицу, исполнил лишь волю Государя Императора и приказ своего начальства. О самовольном приезде для принятия участия в перевороте не может быть и речи.

2) - Второе обвинение, предъявляемое Генералу Корнилову, это награждение унтер-офицера Лейб-Гвардии Волынского полка Кирпичникова георгиевским крестом "за убийство своего офицера". Это опять неправда. Ссылка на заметку в "Ниве". Может быть это и было напечатано, но разве можно верить тому, что писалось в те дни? Ведь газетное подхалимство было полное. Но у нас есть свидетельство офицеров полка (подтверждаемое Генералом Архангельским, коренным Волынцем) о том, что убийцами были два других солдата, а Кирпичников был награжден за другое... Во всяком случае, Генерал Корнилов поднял движение, которое спасло честь Русской Армии и спасло много десятков русских жизней, среди которых и покойная Императрица Мария Федоровна и Ваша Августейшая Матушка с Братьями.

3) - Третье обвинение самое тяжелое: поведение Генерала Корнилова при аресте Государыни Императрицы. После тщательного расследования всех обстоятельств ареста, считаю себя вправе утверждать, что и это неправда. Это обвинение основано на данных, якобы изложенных в частном письме фельдмаршала Маннергейма. Действительно, в 1937 году, 20 лет после революции, Маннергейм написал одному из офицеров, проживающих в Брюсселе, письмо совершенно частного характера. Это письмо было показано Генералу Архангельскому и он узнал г. Котляревский, который списал его якобы для своего частного архива, дав честное слово, что содержание этого частного письма не будет разглашено, как и должно быть между порядочными людьми... Маннергейм, который и в силу своего официального положения (он был главой государства) и в силу присущей ему честности, был глубоко возмущен вторжением посторонних лиц в его частную переписку... Факт, описанный в этом письме (подлинник его был возвращен

Маннергейму, когда он узнал о бесчестном поступке Котляревского. М. Б.) весьма сомнителен. Вы, вероятно, знаете, что мой бо-фрер, Сергей Белосельский и Маннергейм связаны узами тесной дружбы. Во время похода Маннергейма для освобождения Финляндии, Сергей был у него в штабе, они проводили вместе вечера. Маннергейм никогда, ни разу, не упоминал о том, что он видел Императрицу. Тем более, что он сам спасся из столицы и сразу уехал в Киев к своей дивизии (12-ой). С другой стороны есть целый ряд сведений о полной корректности в поведении Корнилова в отношении Царской Семьи. Говорила это покойной моей Мэри ее тетка, графиня Бенкендорф, супруга Обер-Гофмаршала, которая допускалась к Ее Величеству... Знаем мы и от офицеров охраны о том, что Ее Величество благодарила Корнилова за то, что он для Них сделал. Коцебу младший (гусар) был одно время начальником охраны и подтверждает, что Корнилов, говоря про Императрицу, не называл Ее иначе как "Ее Величество". Но самое убедительное - это дневник графа Апраксина, где он записывал факты не по дням, а даже по часам... Апраксин присутствовал при входе Корнилова к Ее Величеству. Он не мог сказать приписываемых ему слов: "встаньте!" и т.д. по простой причине: Государыня Императрица приняла его стоя, как принимала вообще всех. Корнилов с возможной осторожностью объявил Ей о решении Временного Правительства считать Царскую Семью арестованной, потом просил всех выйти и остался наедине. Апраксин считает, что беседа касалась возможного переезда в Англию. Когда Корнилов выходил, то Государыня его благодарила. Когда Она осталась одна, то заплакала...

Все эти данные заставляют быть уверенным, что и третье обвинение построено на песке... Обвиняют Корнилова и за самый факт ареста. Спрашивается, было бы лучше, если арест произвела толпа солдатских и рабочих депутатов? Исполнив этот тяжелый акт, Генерал Корнилов оградил Царскую Семью от многих обид в те дни. Лица, видевшие Корнилова после ареста (в том числе и Генерал Архангельский) свидетельствуют об его сильном нервном потрясении. Я лично за это обвинить его не могу. Как мне ни противны личные пересуды, я не могу кончить это письмо, не коснувшись весьма странной роли во всем этом деле г. Котляревского, моральный облик которого за последние годы совершенно определился. Кому-кому, а ему можно было бы порекомендовать быть поскромнее.

П. п. Свиты Его Величества Генерал-майор Гартман. "

Для Кириенко все показания, аналогичные приведенному выше, со ссылкой на документы и на лиц, которых нельзя заподозрить в пристрастности, ложны, неавторитетны исходят от "изменников и предателей". Неоспоримый для него авторитет - Якобий и компания, пользующиеся фальсифицированными письмами, заразившими и автора книги подтасовкой фактов и другими "чистоплотными" приемами. Гордо возложив на себя миссию защиты идеи Монархии, он выполняет ее спо-

-собами, которые, по выражению Генерала Тихменева, "принижают монархическую идею". Заведующий Корпусом Императорской Армии и Флота Генерал Олехнович считает "неуместной" деятельность Кириенко, а в эмиграции сложилась по поводу таких способов поговорка: "идея монархии сама по себе хороша, но наши монархисты уж очень плохи!". Выделив из всей толщи эмиграции себя и своих немногочисленных сторонников в особую группу (их обычно называют "сусальные монархисты"), остальных автор смешивает всех в одном мешке: "февралисты", "социалисты", "учредилловцы" и пр. А в одном месте своей книги доходит даже до такого абсурда: "если бы непредрешенцам предложили портфели в коммунистическом царстве, то они пошли бы и туда..." Мы же, ведь, не Кириенко, который после изгнания его из Русского Обще-Воинского Союза превратился из непредрешенца в предрешенца и который еще вчера писал о Белых Вождах, что им "место не на страницах книги, а в своих сердцах каждому из своих незабываемых Вождей первоходники определили р а з и н а в с е г д а !..." Сегодня же пишет о "незабываемых Вождах" как о "предателях и изменниках" и зовет тех же первоходников и участников Белого движения поскорее бежать в "его объятия", а если, мол, "задержитесь", то будущий Император вас за это "по головке не погладит!" (стр. 194).

Упрекая Генерала Архангельского в "самозванстве", Кириенко считает нормальным не только заграничные производства в генералы в Корпусе Императорской Армии и Флота, но даже считает для себя возможным говорить от имени Главы Императорского Дома, Великого Князя Владимира Кирилловича. Курьезно и то, что облив злобной грязью всю эмиграцию, все Белое движение, его Вождей и участников, Кириенко вдруг решает, что и такой "подмоченный товар" годится для его Корпуса и, став в балаганную позу, зовет к себе. В нормальное время таких "вербовщиков" считали провокаторами, а их методы саботажем.

О способностях Генералов Алексеева и Деникина как военачальников, писалось и говорилось столько, что критика этих способностей самоучкой Кириенко просто смешна и похожа на детский лепет. Не будем на ней останавливаться. Странным кажется лишь то, что "прозревший" автор книги все же крепко держится за тот чин, который он получил от "предателя" Деникина.

Если расчет автора книги строился на надежде вписать в свой послужной список, рядом с двумя "Высочайшими Благоволениями", третье "благоволение" очередного Хрущева, то тогда понятно, поймать в свои сети "генерала" и сделать его пособником в работе по разложению эмиграции стоит и более высокой награды. Старайтесь, "Ваше Превосходительство" ! А вот получите. Недаром Вы ополчились не только на "предателей" и "изменников-генералов", но и на все Белое движение в целом. Белую идею, синоним "национальной", Кириенко называет "зловредной", исповедание которой не годится даже для заграницы. Часто он призывает в свидетели Церковь Христову, стараясь и ей навязать свои взгляды порицания "выдуманной тыло-

выми героями белой идеи" (стр.209). А вот что пишет о ней Первоиерарх Митрополит Анастасий: "Великое значение Белой идеи, которая по существу своему является христианской, не оценена еще до сих пор. Но придет время и Россия воздаст должную дань ее благородным рыцарям. Я часто говорю, что наше поколение было бы безответственным перед судом Истории, если бы оно не породило героев Белого движения, которое будет нашим оправданием перед лицом будущей свободной России". (из письма Митрополита Анастасия Генералу Драгомирову, 21 декабря 1949 г., Мюнхен).

Вероятно Кириенко не знал такого отзыва о "зловредной белой идее" Первоиерарха Соборной Церкви, как не знал и того, что Архиерейский Собор под председательством Митрополита Анастасия благословил положительное решение Комитета Храма-Памятника в Брюсселе об установке памятной доски Корниловцев в этом Храме. Иначе ему пришлось бы и Митрополита Анастасия приобщить к сонму "изменников".

Очень часто мы (с полным основанием) критикуем вершителей судеб "свободного мира", отвернувшихся от России, когда ее национальные силы истекали кровью в борьбе против большевизма. А вот гг. "якобии" и "кириенки" поспешили обелить это предательство своими писаниями о зловредности белого движения. "Что говорить об иностранцах", писал Генерал Драгомиров, "когда наши собственные соотечественники, находящиеся в эмиграции, не только до сих пор не уразумели глубочайшего исторического значения нашей Белой Борьбы, но еще с садистическим наслаждением, захлебываясь от восторга, всячески ее осуждают и поносят память ее Вождей, самоотверженно взваливших на свои плечи тяжкий крест спасения гибнущей Родины. Этому малопочтенному делу посвящено уже вороха статей и книг, при чтении которых краска жгучего стыда не будет сходить с лица наших потомков, для которых вся наша Белая Борьба, со всеми ее положительными и отрицательными сторонами, будет с в я т ы м д е л о м . . ." (из статьи Генерала Драгомирова в информационном бюллетене "Корниловцы" № 16, за июнь-август 1954 года).

К этим "соотечественникам", за которых будут стыдиться идущие нам на смену поколения, принадлежит автор книги "генерал-майор" Кириенко.

Полковник Бояринцев.

Е. М е с с н е р.
Полковник Генерального Штаба.

" КНИГА И.КИРИЕНКО - НЕ ИСТОРИЯ, А САМОРЕКЛАМА " .

Француз, читая книгу, обращает внимание КАК она написана, немец-
ЧТО написано, англичанин-ДЛЯ ЧЕГО написано, а русский-КЕМ написа-
но. Эта русская установка нередко бывает правильной и логичной.
Например раз мы знаем, что С.С.Ольденбург был человеком обширных
познаний, глубокого ума, научной честности и благородной объектив-
ности, то читая его труд "Царствование Императора Николая Второ-
го", мы верим фактам в нем и умозаключениям, хотя бы и видели в
нем некоторые неточности. Но если автор книги невежда, лжец, кле-
ветник и самохвал, то мы книге не верим, хотя бы и признавали до-
стоверность некоторых ее страниц.

Не буду опровергать книгу г.Кириенки на основании ее содер-
жания, не отвечающего правде, это сделают мои соавторы в этой бро-
шюре, но на основании книги охарактеризую ее автора и тогда пусть
читатель сам судит, можно ли г.Кириенко верить, можно ли принимать
его книгу всерьез. (В дальнейшем цифры, взятые в скобки, будут оз-
начать ссылки на страницы книги г.Кириенко).

1.

Полевым галопом проскакавши по историческому периоду от 1613
до 1917 года (в заглавии книги указанному), г.Кириенко пишет
(190): "...императорам, желавшим вернуться к веками испытанному
и проверенному Московскому периоду, царевубийствами не дали это-
го сделать..." Считает-ли г.К. своих читателей совершенными не-
веждами в истории России или он сам невежда? Ведь из импера-
торов были убиты Петр 3-ий и Павел, -ужели их можно считать ца-
рями московского стиля? Петр 3-ий был почитателем Фридриха Ве-
ликого, а Павел-Мальтийского Ордена.

Невежественностью отдадут не только исторические экскурсии
г.К., но и его разглагольствования о современных нам событиях
(22): "...в ответ на мобилизацию нашей армии, Тройственный Союз,
то есть Германия, Австрия и Турция объявили России войну..." Все,
кроме г.К. знают, что Тройственный Союз состоял из Германии, Авст-
ро-Венгрии и Италии и что Турция войну объявила нам не в связи
с нашей мобилизацией в июле, но флотом напала на наши порты Чер-
ного моря 16 октября 1914 года.

Такие отступления от исторической истины нельзя назвать слу-
чайными оговорками-их так много в книге г.К., что необходимо при-
знать автора ее невеждою. Невежественен он и в военной области,
ни дужина лет военной службы, ни высокий чин не избавили его от
этого недопустимого недостатка. "Трехдневный план мобилизации

русской армии оказался совершенно неожиданным для немецких штабов" (29). Эта фраза-совершенная чушь: немисливо поверить, что второочередной полк, в который по мобилизации попал К., мог в три дня изготовиться к выступлению в поход (полки второй очереди имели, вообще говоря, 7-10 дневный мобилизационный план), но если этот полк каким то чудом и отмобилизовался в три дня, то это не дает г.К. ни малейшего права утверждать, что русская армия имела 3-дневный мобилизационный план. Каждому офицеру известно, что пограничные полки конницы начинали поход через два часа по получении приказа о мобилизации, что у границы стоявшие пехотные дивизии должны были быть готовы к выступлению через два-три дня, но остальное множество дивизий имело иные сроки мобилизационной готовности, 7-10 и более дней. Говорить о 3-дневной мобилизации армии может лишь невежда, а если он офицер, то выдающийся невежда.

Г.К. пишет (30): "к началу 1917 года русская армия была уже, как говорится, вооружена до зубов..." Вооруженными до зубов можно было счесть армии, нам союзные, и армии вражеские. Их дивизии, состоявшие из 9 батальонов, имели около 120 артиллерийских орудий (около 17 орудий, легких и тяжелых, на один батальон). Мы же к началу 1917 года имели в дивизии из 16 батальонов около 42 орудий (то есть 2,6 жерл малых калибров на один батальон), не считая особых участков фронта, куда в предвидении большого боя подбрасывали тяжелую артиллерию. Разве это можно назвать вооружением до зубов? Г.К. должен был бы знать, что в Великую войну фраза Наполеона "большие батальоны всегда правы", была заменена другою "большие батареи всегда правы". Мы имели "большие батальоны", а враги (как и союзники наши) имели "большие батареи". Вооруженными до зубов были они, а не мы.

Невежественность г.К. принимает облик мыслительной темноты, когда он пытается маршировать по стратегии (125): в 1918 году "все ждали, и так должно было бы и быть, что Вооруженные силы Юга России возьмут направление для естественного соединения с адмиралом Колчаком. Но генерал Деникин предпочел растопырить свой кулачек и первым войти в Москву". Не обращая внимания на клеветнический выпад против генерала Деникина, надо сказать: 1) если в Великую войну некоторые из наших генералов поверили в целесообразность сплошных фронтов со смыканием флангов армий, то сейчас ни один грамотный офицер уже не признает этой уродливой, упадочной теории, лишь г.К. погряз в ней; 2) в гражданской войне, как нам показала практика 1918-20 гг. и как нас теперь учит разработанная теория, сплошные фронты, смыкание флангов, локтевое соприкосновение, - противоестественны и бессмысленны; эта истина неизвестна невежественному г.К. Он не в состоянии понять, что движение генерала Деникина на соединение с заволжанами и сибиряками не дало бы никаких стратегических выгод. Невежество-штука упорная: за четыре десятилетия можно было бы, читая военные книги и статьи, набраться стратегического разума. Г.К. не набрался, потому что ничего не читал или потому что у него разум невосприимчивый.

Эта темнота проявляется иногда прямо таки анекдотически : наткнувшись на неизвестное ему слово "агнат" (оно означает людей, находящихся под властью домовладыки), г.К. из мрака своего невежества самоуверенно вещает: (136) "агнат происходит от имени Св.Агна, память которого поминается 26-го марта, а имя это означает-агнец". "Филолога" г.К. ничуть не смущает, что и "Агн" и "агнец" не имеют никакого касательства к членам Императорской Фамилии, названным "агнатами" в статье, которую цитирует г.К.

Эта темнота г.К., это его невежество подрывают доверие к фактам и к рассуждениям, заполняющим его книгу, невежественную книгу, темную.

2.

Надо поражаться той "легкости в мыслях", какую на многих страницах своей книги великолепно проявляет г.К. (17): "Россия крепла, богатела и всесторонне развивалась, превзойдя все достижения Европы". Фраза была бы хороша, но он ее сделал несерьезной, вставив слово "все". как ни гордись своим отечеством, все же нельзя утверждать, что оно во всех отношениях превосходило Европу.

Еще легкомысленнее утверждение г.К. (16): "Русский народ так долго пребывал под могучей охраняющей силой своей армии, что стал утрачивать чувство ответственности". При всей нашей офицерской любви к родной армии, при всем нашем преклонении перед ее славой, мы не можем утверждать, что в войнах 1854-55 гг. и 1904 - 05 гг. она была достаточно охраняющей, а в войну 1877-88 гг. достаточно могучей. С чего же русскому народу было "терять чувство ответственности"? И в чем эта утрата проявлялась? В 1906-14 гг. Царь, Правительство и войско, Государственная Дума и народ, в общем сознании ответственности за будущее России, приложили огромные усилия, чтобы мы от слабости нашей в Маньчжурии возросли до мощи, победно проявленной в Галиции. Но г.К. так умственно близорук, что он этих великолепных усилий России в годы возрождения Войска не заметил.

В резонерствовании г.К. есть такие шедевры (16): "...Европа сидела тихо, молчала и под охраной Русской Армии улучшала и развивала свою внутреннюю жизнь..." Спрашивается, от кого охраняла Европу наша Армия? В чем выразилось это охранение? "Сидела ли Европа тихо"? Нет. Она воевала против России в 1854-55 гг. и выступила против России в 1878 г.; в Европе воевали в 1848, 1859, 1866, еще раз - в 1866, в 1870 гг., причем в разных комбинациях дрались австрийцы, французы, пруссаки, сардинцы. "Молчала ли Европа"? Нет. Она революционно вопила: коммуна в Париже, венгерское восстание, уничтожение монархий в Португалии, в Испании, ограничение монархической власти в Англии, в Германии. Умный человек не мог бы написать, что Европа "сидела тихо", а г.К. написал. Несколько таких в книге замеченных глупостей подрывают доверие к способности ее автора логически мыслить. А если подорвано доверие к автору, то нет доверия и к его книге.

Если человек не обладает прожиточным минимумом разума, то в этом он не виноват. Пожалуй не виноват он и в том, что не достиг необходимого уровня знаний, образованности. Но злоумышленности в нем простить ему нельзя. Например, склонности к клевете.

Г. К. клеветает на генерала Алексеева, когда пишет (84): "Генерал Алексеев приехал на Дон вовсе не для борьбы, а только спастись и поджидать семью, чтобы уехать за границу". Он ничем это лживое заявление не подтверждает, а между тем книга "Марковцы в боях и походах за Россию" говорит на стр. 46 о генерале Алексееве противоположное: 2 ноября 1917 года в Новочеркасск прибыл генерал Алексеев в сопровождении десятка офицеров, немедленно отправился к Атаману Каледину и после этого послал в Петроград условную телеграмму полковнику Веденяпину о направлении добровольцев в Новочеркасск. Таким образом день приезда генерала Алексеева на Дон был и днем начала создания Алексеевской Организации, то есть Добровольческой Армии. Эта Марковская книга - плод сорокалетнего труда по сбору воспоминаний ста офицеров и по рассмотрению многочисленных документов; ей нельзя не доверять. Вышла она в свет в 1962 году в Париже, а Г. К. после этого, пренебрегши ее неоспоримым утверждением, написал свою клевету о генерале Алексееве.

Клевета-излюбленный литературный прием Г. К. Так, повествуя об октябрьских днях в Киеве, он пишет (69): "...ударники Корниловского полка были разнообразным элементом, плохо обученным... Полком командовал капитан Неженцев... почему он стал чешским полком, я не знаю..." (между прочим, ненавистный ему Корниловский Ударный полк он всегда называет "корниловским полком", то есть пишет с малой буквы, в то время как свой 312-й Васильковский полк и свой едва ли когда либо существовавший Георгиевский полк пишет с большой буквы - это характеризует Кириенко как кириенко-человека с малой буквы). Г. К. не раз цитирует книгу "Корниловский Ударный полк" (Париж, 1936 г.), следовательно, он ее читал и поэтому лживы его слова "почему он стал чешским полком, я не знаю". На стр. 45-й Корниловской книги сказано, что Керенский хотел расформировать единственный на всем фронте боеспособный полк - Корниловский (не доверяя его революционности) и не разрешил полку отправиться во Францию в Русскую бригаду; тогда Масарик, чтобы спасти полк от расформирования, признал возможным включить его в 1-й Чешский корпус. Г. К. знает, что капитан Неженцев был произведен в подполковники (стр. 75-я Корниловской книги), но он его именует "чешским капитаном", потому что злобствует на него и на полк его, а злобится по такой не офицерской причине: в начале Первого Похода, при переформировании Армии генералом Корниловым, остатки полка полковника Кириенко были включены в 3-й батальон Корниловского Ударного полка, Кириенко обиделся, бросил свой полк и весь поход совершил в армейском обозе.

Книга "Корниловский Ударный полк" (стр. 23) повествует, что в июне 1917 года Корниловский Ударный отряд (после этого боя пере-

именованный в полк) в составе 3 000 бойцов молодецкой атакой прорвал вражескую позицию, углубился на 7 верст и захватил 4 тяжелых и 2 легких орудия, пулеметы и пленных. Керенский приказал раздать по 5 Георгиевских крестов на роту, но ударники отказались от награды Керенского. А г.К. клеветнически говорит (69), что задачей Корниловцев было "умирать за свободу и защищать завоевания революции". И он эту наглую фразу пишет, прочитав на стр. 28-й и 29-й Корниловской книги, что Ударный отряд в дни бегства 8-ой Армии (после так называемого "наступления Керенского") на фронте восьми армейских корпусов восстанавливал линию фронта и крутыми мерами (читай: расстрелами и поркой) возвращал в окопы бежавшие полки. Командующий Армией наградил всех Корниловцев Георгиевскими крестами. А г.К. этих героев воинского долга в революционном развале армии называет "разнообразным элементом, плохо обученным". Понятно, когда большевики клеветают на белых воинов, но когда клеветает офицер, это отвратительно.

Генерала Корнилова г.К. ненавидит больше, чем полк его имени. Он пишет (65): "Генерал Корнилов, сделав первый наполеоновский шаг... не возглавил лично посланные им части на Петроград..., а поручил это дело генералу Крымову, не заинтересованному в нем лично..." Надо быть очень низкой души человеком, чтобы считать, что офицеры добросовестно выполняют только те задания, в которых заинтересованы лично. Если усвоить эту чудовищную установку Кириенко, то можно по аналогии сказать, что генерал-от инфантерии Иванов, посланный Государем для подавления бунта в Петрограде, не был лично заинтересован в этом деле, ему порученом и потому, двигаясь к столице и встречая на станциях кучки революционных солдат, ограничивался тем, что ставил их на колени (Ольденбург, том 3-й, стр. 251). Офицер, не заинтересованный лично, такое понятие вводит г.К.! Этакое клеветника на офицерство не бывало еще среди офицеров, г.К. - первый!

4.

"Меня можно ненавидеть за мои монархические убеждения, но нельзя отнять, что я пишу правду", гордо заявляет г.К. (84). Но книга его свидетельствует иное: у него нельзя отнять его монархических убеждений, но его можно ненавидеть за то, что он пишет ложь.

Он утверждает (44): "к 1917 году война уже была выиграна Императором Николаем 2-м и даже маршалом Фош... без колебаний заявил... если Франция не сметена с карты Европы, то этим она, в первую очередь, обязана России". Тут г.К. пытается обмануть читателя: маршал Фош признал, что Россия в августе 1914 года спасла Францию от гибели, но это не имеет ничего общего с утверждением г.К., что Царь выиграл войну к 1917 году. Тут г.К. сам себя опровергает: (60) в полку, которым он командовал в 1917 году

"господ офицеров" оказалось только двое, остальные были левые молодые люди, одетые в офицерскую форму". Спрашивается, как было возможно одержать решительную победу в кампанию 1917 года, если таково было офицерство? Ведь не станет же г.К. уверять, что только одному ему удалось подобрать такой замечательный состав офицеров полка? Одно из двух должно быть ложным: или Кириенкова характеристика офицерского состава или его уверение, что война уже была выиграна.

Говоря о событиях 1916 года, г.К. признает, что "на помощь Военному Ведомству пришло почти все население страны, в значительной степени облегчившее правительству в отношении санитарном и продовольственном". Пишущий на исторические темы должен быть объективным, но у г.К. объективности нет ни на грош. Население, как таковое, на помощь Военному Ведомству придти непосредственно не могло: Земский и Городской Союзы, Красный Крест, Военно-промышленные Комитеты помогли правительству добывать необходимое для войны. Помогли они: в меньшей мере, чем о том кричала пропаганда либералов, но некоторая заслуга принадлежит упомянутым общественным группам. Кириенко же так ненавидит интеллигенцию и общественность, что проходит мимо их работы, словно ее и не было. Такая необъективность вынуждает брать под сомнение и другие утверждения г.К.: писатель, лишенный объективности, доверия не заслуживает.

От необъективности человек легко переходит к лживости. Нет правды в нижеследующих строках, написанных г.К. (193): "Когда выяснилось, что Хитлер нас обманывает и идет не свергать коммунизм, а хочет захватить Россию... что решили переодеть нас в немецкую форму, то я запротестовал и был уволен в отставку". Переодевание Русского Корпуса в Сербии из отвратительной "сторожевой" формы в военную ни в ком протеста не вызывало, тем более, что оно было связано с изъятием Корпуса из ведения Уполномоченного по хозяйству в Сербии (видного нациста) и с передачей его в полное распоряжение германского Генерального Штаба, весьма дружески к Корпусу настроенного. Намерения же Гитлера в отношении нашей Родины выяснились уже к концу 1941 года, а г.К., не протестуя, прослужил в Корпусе весь 1942 год. В отставку он не был уволен за какие то мифические протесты, а был немцами удален из Корпуса, потому что занимался в нем монархической пропагандой, вербуя офицеров в "Корпус Императорской армии и флота", в глазах нацистов это было преступлением и за это г.К. пострадал. Но не столь тяжело, как Корпус генерала Штейфона: г.К. был только уволен, а Корпус был взят национал-социалистической партией на подозрение и она воспротивилась присылке в него пополнений (пленных красноармейцев), вследствие чего ценный офицерский кадр продолжал служить и в боях погибать в качестве рядовых. И с точки зрения германского командования поведение г.К. было недопустимым. оно было в стоворе с генералами Скородумовым и Штейфоном — немецкий Генеральный Штаб рассматривает Русский Корпус ядром будущей

армии России, но до поры до времени тот должен скрывать (от нацистов) свое национальное лицо. Г.К. нарушил это соглашение и поэтому был из Корпуса удален. Это он называет уходом в отставку вследствие протеста.

Утверждений, истине не соответствующих, в книге г.К. много. Он уверяет, что осенью 1917 года он формировал в Киеве Георгиевский полк. В книге "Корниловский Ударный полк" (стр. 51) упоминается Украинский Георгиевский полк в Киеве, а о Георгиевском полке русской идеологии не говорится ни слова. Формировал ли г.К. украинский полк или никакого полка не формировал? Далее г.К. говорит, что из чинов его Георгиевского полка, пробравшихся из Киева на Дон, он стал вновь формировать в Новочеркасске свой Георгиевский полк, который впоследствии был влит в Корниловский Ударный полк. Но на стр. 51-й Марковской книги читаем: "...формировалась еще и четвертая часть - Георгиевская рота, бывшая в то время в составе 50-60 человек, кадр которой дали офицеры и солдаты Георгиевского полка. Эта рота позднее была влита в Корниловский полк".

Есть еще более убийственные для репутации г.К. разоблачения. Г.К. заявляет, что Основателем Добровольческой Армии является не генерал Алексеев, а он, генерал Кириенко, ибо он 6 ноября стал в Новочеркасске призывать к поступлению в его Георгиевский полк, а генерал Алексеев лишь 17 ноября объявил о начатом им формировании противобольшевистских сил. Самохвальство г.К. безгранично. Ведь в те сумбурные дни на окраинах России формировалось великое множество отрядов под всевозможными наименованиями и с различными, местными, целями. В Одессе, например, в гостинице "Бристоль" производилась каким то лихим ротмистром запись в отряд, который имел задачей захватить остров Хортицу на Днестре и возродить там Запорожскую Сечь. Если вербовочные плакаты полковника К. появились на стенах нескольких домов в Новочеркасске, то это было авантюрой полковника Кириенки, ничего общего не имевшей с Российского масштаба планом великого стратега, генерала Алексева.

Но и первородство Кириенкиного формирования опровергается Марковской книгой, которая на основании документальных данных говорит, что 2 ноября прибывшие с генералом Алексеевым офицеры были сейчас же, в тот же день, расквартированы в доме № 39 по Барочной улице в Новочеркасске, в тот момент этот дом стал "колыбелью" Добровольческой Армии; на следующий день, 3 ноября, туда стали приходить первые добровольцы из местных, а 4 ноября приехала первая партия из столицы и в этот день была сформирована первая войсковая часть Добровольческой Армии: Сводно-офицерская рота. Затем образовались Юнкерская рота и Сводная Михайловско-Константиновская батарея из юнкеров, прибывших из Петрограда.

Таким образом Добровольческая Армия была заложена прежде, чем полковник К. стал пытаться для чего то формировать свой собственный полк. А если генерал Алексеев опубликовал о формировании на 15 дней позже начала формирования, то это естественно:

имея планы Российского масштаба, генерал Алексеев должен был много наладить и организовать прежде, чем дать делу огласку. Поэтому полковник К. "обогнал" генерала Алексеева. Самохвальная, лживая претензия г.К. на первородство в основании Добровольческой Армии не только смешна, но и многозначительна: она убедительнейшим образом говорит, что словам, уверениям, утверждениям г.К. верить нельзя.

Нельзя не указать еще на один пример патологического самохвальства г.К. Он говорит, что ему не дали возможности спасти Царя из Его заточения, а если бы он, г.К., освободил Государя, то был бы свергнут коммунизм, немцы были бы изгнаны из России; на храме Св. Софии в Царьграде был бы воздвигнут православный крест; все народы получили бы мир, а если бы воспротивились миру, то мы взяли бы Париж. Вот что сделал бы г.К., если бы ему не помешали!... Не бред ли это сумасшедшего?

Таков г.К. Он не отличает правды от лжи, он легко переходит от необъективности к грубой клевете, он невежествен и потому не разбирается в вопросах, о которых пытается говорить, он фантазер без границ. Его план "спасения Царя" - несуразная фантазия (39): "захватить на р. Дон пароход или два, доехать до Царицына (как это можно? Тогда Дон не был соединен каналом с Волгой), а там - по Волге, на захваченных опять пароходах, до Самары и дальше по железной дороге на Уфу и Екатеринбург, задержать никто не посмел бы". (Почему никто не посмел бы? Ведь все железные дороги, от Волги до Урала, были в руках большевиков). Но если бы даже никто не воспротивился бы этой пароходно-поездной экскурсии полковника К., то ждали ли бы большевики его прибытия в Екатеринбург? Не увезли ли бы Царя в более удаленное место? Или просто не убили ли бы Его прежде, чем Кириенко ворвался бы в Ипатьевский дом? Другой психопат, поручик Мирович, попытался в 18-м веке освободить из Шлиссельбургской тюрьмы заточенного там императора Иоанна 3-го - результат: прежде, чем Мирович добрался до узника, тот был убит комендантом, во исполнение заблаговременно данных ему властью инструкций. В 1918 году много офицеров, не фантазируя подобно г.К., реально подготовляло освобождение Царской Семьи и осторожно, умело продвинуло щупальцы до Екатеринбурга, но все отстали от своего намерения, увидав что неизбежно станут Мировичами, виновниками смерти того, кого хотели спасти.

Позволительно думать, что в 1918 году в голове г.К., какова она ни есть, такого умопомрачительного плана не было - он, вероятно, решил теперь квастануть, не учитывая того, что такая похваляба делает его смешным в глазах тех, кто знает как, не фантазируя, но жизнь свою ставя на карту, офицеры искали реального способа спасения Царя. Они не были самохвалами и имена их мало кому ведомы, а вот теперь имя г.К. прославится - он мол, намеревался спасти Царя! Самохвальство и ничего больше!

Книга г.К. дает характеристику Кириенко, а характеристика Кириенки характеризует эту книгу. Два десятка вышеприведенных

примеров из книги г.К. убедительно говорят о том, что автор ее - человек, легко в своем повествовании соскальзывающий в ложь, от неправды без затруднений переходящий к клевете; что автор ее - человек невежественный, а потому весьма ненадежный в подборе фактов, в толковании их, а в своих выводах руководствующийся не обязательной для историка (хотя бы и малого калибра) объективностью, но неограниченным самохвальством, доводящим его до юмористического утверждения, что он - основоположник Добровольческой Армии.

Повидимому, книга специально для того и написана, чтобы опубликовать это сенсационное утверждение. Недаром он пишет (92) о генералах Алексееве, Корнилове и Деникине. "Я не дам восторжествовать лжи теперешних "вожδικов" о трех "великих вождях".

Никогда не удастся морально и умственно ничтожному г.К. опровергнуть тех, чьи заслуги перед Россией признали люди чести и ума. Не ненавистные г.К. какие то "теперешние вождики", а великий русский философ, националист и монархист, профессор И.А.Ильин (скончавшийся в Швейцарии 21 ноября 1954 г.) написал: "Тогда пробил исторический час: навстречу шашашу революционной нечисти, навстречу малодушью, соблазну и крушению... встали наши герои и вожди..." Встали наши герои и вожди и вызвали к жизни российское белое сопротивление красной анти-россии, руководили им и были для нас, офицеров, и для верных России людей, олицетворением воинской чести, рыцарского долга в отношении Родины и национального самопожертвования.

Один викинг вял увещаниям монаха и решил принять с дружиной своей христианство. Обрадованный миссионер сказал: "Ты и твои воины войдете по смерти в Царство Небесное". "А где же находятся те, кто были моими предводителями в моей молодости?" "Они, как язычники, мучатся в аду". "Где они, там и мы!" сказал викинг и вместе с дружиной отказался от принятия новой веры. Наши белые Вожди ушли на суд Божий. Если они осуждены, чему мы никогда не поверим, то и мы не будем искать себе оправдания. Где они, там и мы!...

Земного суда над ними мы не признаем, потому что среди современников нет никого, кто имел бы моральное право судить их: все были их врагами или их сподвижниками или, что хуже всего, укрывались в их обозе (как г.К. в обозе Первого Похода) и потому не должны сметь судить своих спасителей. Беспристрастен может быть только суд Истории, но до него не доживут нынешние враги белых Вождей; не доживем и мы, их верные солдаты, вложившие себе в сердце и в разум: где они, там и мы!

Е. М е с с н е р .

К Л Е В Е Т Н И К А М .

Недавно в книжной мировой полке появилась книга под заголовком: " 1612. От славы и чести к подлости и позору февраля 1917 года " генерала Кириенко при участии своих строптивых единомышленников. Книга эта полна лжи на все Белое движение и в ней больше всего поносится имя генерала Корнилова, представленного как изменника России и шпиона в пользу иностранной державы, состоявшей в войне с нами.

Если до сих пор известными кругами в публичных выступлениях, тенденциозной печати, брошюрах произносились и печатались оскорбительные отзывы о покойном генерале Корнилове, то в этой пасквильной книге приводится вопиющая, перешагнувшая все пределы гнусная ложь, на которую мы, Корниловцы, оставшиеся пока в живых, его верные сподвижники и современники, носящие с гордостью его имя, как своего шефа, молчать не можем.

Преследуя цель разрушения Русского Обще-Воинского Союза, над чем упомянутый автор много лет работал почти с момента его основания, он, генерал Кириенко, перебросился в Союз чинов Императорской Армии и флота, а свое участие в первом Кубанском походе предал проклятию, как и бывшего своего Вождя, вложив в эти чувства личную месть за провал своих необузданных домогательств. А последние сводились к тому, чтобы получить в командование Корниловский Ударный полк. Генерал Корнилов совершенно законно, как прямой начальник, отверг его честолюбивые намерения и его зачислил в резерв чинов Армии. Это обстоятельство и зародило ненависть в душе карьериста, развившуюся в личную месть.

Теперь хочется спросить, где же та идеальность, о которой генерал Кириенко с таким пафосом говорит, наряжаясь в ризу тцеславия?

Почему же рядом с ним не менее заслуженные офицеры высоких чинов могли мириться с своим рядовым положением, становясь в строй с винтовкой и работая по наряду в кухне? Генерал Кириенко считал для себя унижительным опускаться до такого уровня, не сбавив свою гордыню и не желая заметить диссонанса в патриотическом морале Доброй Армии, пошедшей на подвиг.

Как же поступил генерал Кириенко, уйдя из Русского Обще-Воинского Союза? Какой пример он показал тем, с кем стал работать по созданию кадров Императорской Армии? Прийдя туда, он с собой принес идею Белой идее и ее Вождям во главе с генералом Корниловым, бывшим Верховным Главнокомандующим, на которого возвел недопустимую хулу, оскорбил чувство патриотической России, увидевшей в лице генерала Корнилова того Вождя, который способен был в роковой час остановить распад Армии и Отечества, а чтобы стать

этим Вождем надо было предварительно пройти жертвенный путь, и он его прошел через форты авганистанской крепости Деидели, степь отчаяния, пески Северного Китая, боевые поля Манчжурии, где за подвиг у деревни Вазье в качестве решительного начальника он венчается Георгиевским орденом, затем в Карпатских горах умножает славу 48-ой Суворовской дивизии и, наконец, плен, из которого, после трехкратных попыток, в многодневных скитаниях достигает родных пределов и возвращается на фронт прославленным героем. Вся Россия признала его таким, только генерал Кириенко со своим сомнительным окружением опозил и осквернил подвиг, которым должна гордиться любая Армия, зачислив его в сонм своих героев. Много еще доблестных дел числится за генералом Корниловым, известных военному миру, но о них скажут другие.

А что же представляет генерал Кириенко? Мы, чины Русского Корпуса, хорошо его знаем и помним по Банице в Белграде, где он некоторое время занимал должность Начальника Гарнизона и считался помощником Командира Корпуса генерала Штейфона. Держал себя генерал Кириенко крайне заносчиво, в обращении с подчиненными всегда был груб, как правило - к провинившимся прилагал арест после жестокого разноса.

Генерал представлял тип начальника, которого избегали, чтобы не попасть на замечание, выговор, разнос. Самым излюбленным делом, льстившим его болезненному самолюбию, было появление на вечерней переключке гарнизона, представлявшей, скорее, строгий смотр. Обходя строй, генерал не скупился на острые замечания и подвергал им не только рядовых, но даже ротных командиров, чин которых был равен его чину и выше по старшинству. Помнится, как однажды он сделал замечание генералу Ангилееву, командиру роты, приблизительно в таких словах: "Ваше Превосходительство, Вы и до сих пор еще не научились выстраивать роту!" Невольно становилось больно за такую дерзость в отношении такого же генерала, бывшего на фронте 1-ой Великой войны командиром одного из славных полков.

Отношение его к бывшим добровольцам носило сугубо оскорбительный характер, что вызвало у них лютую ненависть к оскорбителю.

В начале 1942 года в Софии открылась запись в формирующийся в Югославии Русский Корпус. Добровольцы массами, с первых дней записи, стали прибывать на Оборище, 17, где находилось бюро записи, горя желанием включиться в борьбу с поработителями Родины. Еженедельно по железной дороге группы в 100 человек отправлялись в Белград. Прибытие новых пополнений позволило закончить формирование 3-го полка и приступить к разворачиванию 4-го, но оно не было закончено из-за прекращения поступления новых контингентов. Объясняется это обстоятельство наступившим охлаждением, вызванным ярким недоброжелательством руководителей формирования во главе с генералом Кириенко к этим пополнениям, пропитанным духом добровольчества и их сплоченностью в сохранившихся частях Добармии.

Особенно это недоброжелательство проявлялось в беседах генерала Кириенко с вновь прибывшими группами.

В одной из таких бесед генерал Кириенко открыто заявил: "забудьте, что вы были Корниловцы, Марковцы, Дроздовцы, Алексеевцы. Здесь их не будет а все старое и прошлое их представляет позорную страницу, которую нужно перевернуть раз и навсегда". Печальное заявление он сделал нашим первым представителям, покойному генералу Каданову, командиру Марковского полка, штабс-капитану Стефановскому, представившему группу Корниловцев в 105 человек, вызвав негодование их. Иначе и не могло быть, ведь сюда явились старые воины-добровольцы, спаянные боевым товариществом, участники многих боев, раненные по несколько раз и даже инвалиды, все готовые вновь повторить страду война во имя долга перед Родиной. То, что сказал генерал Кириенко, острым ножом вонзилось в их честные сердца и в них угасла гера, что новое дело строится на святой правде.

Вскоре прилив новых пополнений прекратился и начался отлив старых и только искусственные препоны предотвратили массовый уход. Но почта успела предупредить тех, кто был намерен последовать примеру пионеров, плохую услугу учинил не в меру ретивый и неудачливый новатор делу формирования. Несомненно, генерал Кириенко заслуженно называется злым гением Корпуса.

Помимо этой враждебности к добровольчеству, порок его усугублялся еще и ярко и бескомпромиссно выраженным политическим кредо: если поступающий воздерживался прикннуть к монархическому движению и воспринять этот лозунг, то ни на какое выдвижение по службе он рассчитывать не мог. Как иллюстрация к только что сказанному, приводится случай с полковником Пио-Ульским. Однажды покойный был вызван в Штаб где ему генерал Кириенко предложил отказать от причастности к Корниловцам и признать Великого Князя Владимира Кирилловича и обещал за это командную должность. Полковник Пио-Ульский, взяв под козырек, ответил: "Нет, Ваше Превосходительство, я был Корниловцем и им останусь. Разрешите мне продолжать службу рядовым". Конечно, после такого ответа, полковник Пио-Ульский не продвинулся дальше фельдфебеля до конца службы в Корпусе.

Ничего лучше не могли придумать немцы, заметив все пустозвонство генерала Кириенко, как его убрать. Так бесславно закончил он свою карьеру в Русском Корпусе, подобно участию в первом Кубанском походе, где он долго ездил на подводе, пока по распоряжению генерала Казановича не был снят с подводы, потребовавшейся для нужд больных и раненых. Это окончательно вывело генерала Кириенко из себя и послужило последней каплей переполнившей горечь всех обид от постигших его неудач.

Крайне тяжело и с душевной болью приходится писать на такую тему и входить в распрю со старым и когда то заслуженным офицером, награжденным Георгиевским крестом, но долг защиты доброго имени нашего Вождя повелевает.

Все мы, офицеры, помним нерушимый уклад Старой Армии под скипетром Царя и вытекающие из этого уклада традиции, — прежде всего беспрекословное повиновение своему начальнику, уважение к старшим и корректное отношение между собой. Соблюдая эти заповеди, освященные веками, армия строила свои взаимоотношения на прочном фундаменте. С переходом к формированию частей Добрармии и, впоследствии, Русской Армии, мы переносили эти устои туда, чтобы соблюсти закономерность и законопослушность.

Но что же мы видим на примере генерала Кириенко? С первых шагов своей службы в Добрармии он входит в конфликт с Главкомандующим, затем изменяет Белой идее, Русскому Обще-Воинскому Союзу, перебрасывается в другой лагерь, а теперь, соединившись с людьми, лишенными воинских и общечеловеческих принципов доблести, становится на путь лжесвидетельства, пороча окруженного ореолом славы народного героя, свято исполнившего свой долг воина и верного сына России и погибшего на своем посту, лишившись даже места вечного упокоения.

Но напрасны злопыхательства генерала Кириенко и его присных; усилия их не разрушат памятника славы и народной памяти. В нем светится сила подвига в самоотверженном порыве и бесценной жертвы спасти гибнущее Отечество. Только та пламенная любовь к России, которою он горел, способна была вызвать подъем и двинуть на борьбу с красным врагом, полонившим нашу Родину, добровольцев из остатков бывшей армии. Стяг Главкомандующего в руках генерала Корнилова вел героев к освобождению России и никто из добровольцев не сомневался в победе, пока Господь хранил Вождя.

Смиритесь, клеветники, вам не поколебать правды о генерале Корнилове и ложь ваша ляжет на вас же проклятием и с ярлыком изменников войдете вы в нашу отечественную историю!

Полковник Г е т ц.

Полковник Левитов.

ОТ ОБЕЩАНИЯ ГЕНЕРАЛА КИРИЕНКО ГОВОРИТЬ ВСЮ ПРАВДУ "КАК НА ИСПОВЕ-
ДИ, ПЕРЕД СВ. ПРИЧАСТИЕМ" ДО ИЗВРАЩЕНИЯ ИМ ФАКТОВ И УМЫШЛЕННОМ ЛЖИ

"Истинный сын народа русского отдает Родине самое дорогое, что он имеет - свою жизнь",

Генерал Корнилов.

"Гнев, печаль и боль за поруганную Россию несли в сердцах своих первые добровольцы Вождю своему, генералу Корнилову, ему, кто в страшные годы лихолетия произнес имя -Россия-, взял в руки и высоко поднял падающее Ее Знамя. В атмосфере ненависти, презрительного равнодушия, трусости, предательства, они смело пошли за ним".

"Слава истинному сыну России - генералу Корнилову !"

Таково уж свойство человеческой природы поддаваться внушению прочитанного без достаточной критики. Слишком многое берется на веру и слишком часто считает, что Икс или Игрек что то доказали. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что в открытии истины далеко не все так ясно и доказательно, как кажется на первый взгляд.

Генерал Кириенко и Потоцкий (он же Шаловаленко) преподнесли нам обвинительный приговор Вождям нашего Белого Движения, генералам Алексееву, Корнилову и Леникину.

Я, как участник войны 1914-1917 гг. и всей гражданской на юге России, не согласен с их приговором, а потому позволю себе открыть не только их неясности, но зачастую и ложь, возводимую на блестящую службу наших Вождей и этим надеюсь поколебать веру в печатное необоснованное слово их книги.

По прочтении книги генерала Кириенко перед вами сразу же сам собой встает вопрос: какую же цель преследовал этот генерал, издавая свою столь гнусную книгу? Прежде всего, об авторе предисловия к книге, Н.Потоцком.

Против того, что Н.Потоцкий рекомендует эту книгу будущим потомкам и историкам, я категорически протестую, так как в ней нет ни одной строчки правдивой, объективной. Отбрасывая в сторону мое личное мнение о Потоцком, я все же удивляюсь тому, что его побудило предстать перед "будущим историком" в столь непристойном виде, защищая автора книги, который в приводимых им обвинениях наших Вождей руководствуется фантазией озлобленного карьериста и,

местами, просто врет. Единственно, с чем я полностью из всего предисловия г. Потоцкого согласен, так это с его заключительной фразой " Чистое дело нельзя делать грязными руками ".

Истинно золотые слова, одинаково относящиеся ко всем, живущим на нашей многогрешной земле !

МОИ ВОЗРАЖЕНИЯ ГЕНЕРАЛУ КИРИЕНКО.

Разбросанность обвинений в книге заставляет и меня следовать за ними, отвечая, главным образом на то, что меня интересует как Корниловца.

Для ясности следовало бы сначала приводить текст автора и потом уже ответ на него но для экономии места я этого делать не могу а потому местами будут помещаться только ответы, из которых будет видно, что вынается нашим Вождям в вину.

С той же целью ясности понимания психологии генерала Кириенко обращаю внимание читателя на то, что все излагаемое в книге дошло до сознания автора только теперь, должно быть - в эмиграции. Генерал Кириенко не считает для себя обязательным ссылку на документы, но от других этого требует, что доводит его до позорного явления дезинформации, исходящей от офицера враждебной нам тогда армии, для простой клеветы на генерала Корнилова.

Стр.36 книги Кириенко "В 1917 году начальник штаба Верховного Главнокомандующего, генерал-адъютант Государя, генерал-от инфантерии Алексеев был тяжело болен и находился в Крыму, но к началу "революции", еще больным, поспешил вернуться в Ставку, изолировал Государя от армии и народа, объединился с командующими фронтами, генерал-адъютантами изменниками и началась гибель России".

Мой ответ: Быстрота, ловкость рук и никакого мошенничества. Точь в точь как на цирковой арене жонглер втирает очки толпе.

Я категорически отрицаю и этого не могло быть, чтобы генерал Алексеев не знал о грозных событиях, надвигавшихся тогда на Россию, о революции и о подготовке для перехода весной в общее с союзниками наступление.

На первое событие, событие внутреннего порядка, генерал Алексеев никак не мог реагировать, так как это не входило в сферу его влияния и, как об этом сказал ему сам Государь в ответ на его, генерала Алексеева просьбу очистить Петроград от запасных батальонов. Что же касается того, что г. Кириенко подчеркивает, что якобы генерал Алексеев поспешил приехать в Ставку для того, чтобы принять участие в революции, то это сплошной вздор, не подтвержденный автором книги хотя бы ссылкой на какие либо документальные данные. В книге говорится также, что генерал Алексеев, прибыв в Ставку, сейчас же распорядился изолировать Государя от армии и народа. Так безответственно могут поступать

только наши враги, но преподносить подобную чепуху живым свидетелям минувших событий нечестно и непорядочно.

Стр. 37-я книги. Прямо дико читать. Несмотря на обещание Н. Потоцкого в предисловии к книге базироваться исключительно на документальных данных, автор книги просто по-изводицки кроет и генерала Алексеева и генерала Деникина, перескакивает, не краснея, к приказу Керенского-Гучкова № 1, без всякого изложения последовательности в событиях. Государь за это время не только отрекся за себя и за Наследника, но призывал и Армию верою и правдою служить новому правительству. Да будет проклята февральская революция, но пусть герои сегодняшнего дня не приписывают бездоказательно наши бедствия кому им заблагорассудится и пусть они сами хорошенько подумают над тем, что было предпринято ими для спасения Монархии. Нас же тогда сковывала военная дисциплина, ибо враг был на нашей земле. Подобного рода безответственные обвинения в предательстве толкают и нас на суждения о том, чего мы, собственно, не должны были бы касаться. Государь, нарушив данную Им присягу, Сам мученически погиб и принес Себя в жертву.

Стр. 37-38. Комок грязи в генерала Деникина опять без учета времени и обстановки. Приведенное обвинение, что генерал Деникин оклеветал кадровое офицерство, содержит в себе только желание поднять дух Армии. Генерал Алексеев и генерал Деникин спасали тогда само бытие России. Вопрос же с Монархией в то время был уже решен. Сам же полковник Кириенко в то время спокойно и в полном порядке, по приказу своего начальника дивизии, привел свой полк к присяге неизвестному ему правительству и не зная, почему. А вот его начальник дивизии, оказывается, знал, сказав ему, что это по воле отрекшегося Императора.

На стр. 38-й, автор книги, как базарная торговка, ругается и бьет на эффект своего красноречия, мешая и путая все, забывая о времени, когда это все говорилось, когда офицерство не могло ничего сделать, а хлестко все возлагать на нескольких лиц всю ответственность за происшедшее тогда, да и к тому же еще почти через 50 лет. Все это можно объяснить только одним, а именно - желанием автора книги внести разлад в ту часть эмиграции, которая принесла уже великую жертву для спасения чести своего Отечества.

Здесь, для охлаждения пыла генерала Кириенко, обращаю внимание на книгу генерала Головина, бывшего ординарного профессора Императорской Николаевской Военной Академии, № 23, часть 2-я, где беспощадно для всех описаны первые дни революции и откуда генерал Кириенко мог бы узнать, что тыл и Армия имели власть только в своих зонах и что генерал Алексеев просил командующих фронтами донести срочно Государю, как они смотрят на создавшееся положение и что ответы и поведение всех, до генерала Рузского включительно, были в пользу Монархии с передачей Престола Наследнику. И только два предложения, генерала Хана-Нахичеванского и графа Келлера со своими кавалерийскими корпусами, которые готовы были

драться за сохранение Трона за Государем, чем Государь не воспользовался.

В эти решающие дни давно назревавшего процесса революции, чего не могла не знать государственная власть, никаких предупредительных мер предпринято не было. Тыл в эти дни думал только о революции, а действующая Армия - только о сохранении фронта, непрестанно напоминая Государю словами генерала Алексеева: "Ваше Императорское Величество, пока что - мы в Вашем распоряжении", но и это не было учтено и потому не было использовано. Положение "армия вне политики" и здесь было соблюдено Государем и генералами.

Не генералы, а тыл начал это канново дело, революцию во время войны. См. разговор генерала Рузского с Родзянко в книге генерала Головина № 23, стр. 26-27.

Генерал Кириенко легко и свободно разносит генерала Деникина, бывшего тогда только командиром 7-го армейского корпуса. Для генерала Деникина как будто было все тогда возможно: отменить отречение Государя с призывом служить новому правительству и что враг был на нашей земле и то, что полки уже приняли присягу. Получается - будь на его месте полковник Кириенко, все бы перевернулось.

Стр 39 книги: "В эту тяжелую годину испытаний вожди армии не сказали своего твердого слова, которое произнесли 100 лет перед тем другие вожди армии. В Отечественную войну 1812 года военный совет в Филях не думал спасти Россию путем революции и насилием над Божиим помазанником Александром 1-м."

Это сравнение я полностью отвергаю, ибо в то время Император Александр 1-й ведение войны поручил своим генералам, а Сам управлял Россией. В дни же нашей революции действующая армия имела власть только на территории фронта, а все государство управлялось говорильней государственной думы, где свободно делали свое канново дело творцы февраля. Государь же перенес Свое внимание на действующую армию, как будто оставив всю страну без возглавления. И этим явлением мы обязаны, Ваше Превосходительство, тем, кто ложно и слащаво уговорил Царя возглавить Армию.

Стр 41-42 книги. Наконец то генерал Кириенко правдиво и красочно обрисовал свое поведение, своего начальника дивизии и своих подчиненных. И что же мы видим? до этого, когда он обвинял других и пресловутые свечечки имели государственное значение, но когда дело коснулось большой тогда силы его полка и дивизии, стыдно даже сказать - все превратились в тряпки наподобие капризных барышень. Что же это такое? Может быть этому явлению можно подыскать какое то смягчающее вину обстоятельство?

Да, можно, и в первую голову, это - отсутствие законно утвержденного указания на подобного рода случаи поведения командного состава и даже солдат в духе законов Российской Империи. И то, что к этому присоединилось небывалое явление - отречение Государя за Себя и за Наследника. Действующая Армия была оставлена

без управления, когда "никто ничего не знал". Мы были воспитаны в духе "как прикажете!" и "что укажете!", оно отпало и все растерялись.

Так что же получилось, Ваше Превосходительство? Вы лихо и в грубой форме обругали высшее руководящее начальство, а сами то что сделали? Главные же факторы скольжения в пропасть - усталость от затянувшейся войны, пропаганда и приказ № 1-й dokonчили начатое.

Стр 43 книги. "Генерал-адъютанты изменники нас всех жестоко обманули, от нас даже скрыли прощальный приказ Императора к Армии, о котором я узнал лишь в эмиграции, в Белграде". Как же это, Ваше Превосходительство, получилось, что от Вас скрыли волю Императора, когда Вы же утверждали, что в приказании Вам начальника дивизии о приведении полка к присяге, были слова "по воле Императора"? А у нас, на Северном фронте, и текст прощального приказа был известен. Вот этот приказ:

"В последний раз обращаюсь Я к вам, горячо любимые Мной войска; после отречения Моего от Престола Российского, власть передана временному правительству, по почину государственной думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия! Исполняйте же ваш долг, защищайте же доблестно вашу Великую Родину, повинуйтесь временному правительству, слушайте своих начальников, помните, что всякое ослабление вашего порядка службы - только на руку врагу. Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к Нашей Великой Родине.

Да благословит вас Господь и да ведет вас к победе Св. Великомученик и Победоносец Георгий!

Ставка, Марта 8-го дня 1917 года.

Н и к о л а й.

Здесь генерал Кириенко восторженно говорит о величии подвига Государя, написавшего такой приказ для армии. Лично мое переживание в те дни было другим: я видел, что Государь, под тяжестью выпавшей на Него власти, не вынес всего и просто сдал, не использовав многого для спасения Себя, Своей Семьи и всей России.

Здесь уместно вспомнить державного значения слова владыки Феодорита в 1613 году, произнесенные им в ответ на отказ отрока Михаила и его Матери, инокини Марфы: "Да будет по вашему, бедствуй, русская земля! Пусть настанет прежнее бесчестие, пусть плачет снова народ, опозорятся церкви! Но перед сим Св. Образом говорю Тебе, Царь Михаил что отныне на Тебя падет бедствие Отчизны. И Ты, инокиня благочестивая, Ты будешь отвечать перед судом Божиим за кровь и слезы христиан!"

Стр 47-50 Относительно правдиво описывает генерал Кириенко свою душевную драму присяги временному правительству, но каким то диссонансом звучит старая ругань наших генералов "изменников,

клятвопреступников" и т.п., до генерала Корнилова, включительно, который тогда был только командиром армейского корпуса политической роли не играл и, как раз в эти дни, был выдвинут Императорским Главным Штабом на должность Командующего Петроградским Военным Округом, что Государь Своей подписью "Исполнить" утвердил.

Стр. 51 книги. Генерал Кириенко никак не хочет согласиться со своими же словами, что и он тоже изменник, подобно тем, кого он без доказательств величает предателями и изменниками, а потому, допуская ловкость пера, преподносит нам новость о себе "А когда грянет час и мы, старые офицеры, не изменившие присяге..." Как это понимать? что и Вы, значит, в их числе? Но ведь это же неправда, так как Вы и Ваш полк присягали временному правительству!

Стр. 53. Объявление генералом Корниловым Государыне Александре Феодоровне о Ее положении под арестом.

Здесь приведено то, что имеет два освещения: одно, если читать, как приведено автором книги, конечно - с определенной целью произвести на читателя ложное впечатление, и другое, преподнесенное в связи с общей обстановкой, окружавшей происходившее тогда, что обычно принято делать в военной среде при разборе операций, для ясности.

Первое ясно и понятно. Только на одно здесь нужно обратить внимание. на демагогический прием вынесения автором своего приговора без значения времени и обстановки.

Для того, чтобы здесь приступить к освещению происходившего с генералом Корниловым с учетом времени и обстановки, то я должен сказать о том, кто эту обстановку преподносит читателю и с какой точки зрения, то есть - о себе.

В составе 45-й пехотной дивизии 5 июля 1917 года я попал в Петроград для подавления первого восстания большевиков, где я, соприкасаясь с активными силами различных направлений, как говорится - по свежим следам, выяснил роль генерала Корнилова при объявлении приговора Государыне Александре Феодоровне. А наше соприкосновение с аппаратом управления столицы давало нам возможность наблюдать всю хамскую, кровавую расправу революции со своими врагами. В дни пребывания генерала Корнилова на должности Командующего Петроградским Военным Округом, в окружении Керенского взяла верх группа благоразумных, и генералу Корнилову были вручены бумаги для объявления царской Семье положения Их под арестом. Здесь генерал Корнилов попадет в положение, подобное Великому Князю Николаю Николаевичу в 1914 году. оба должны были, по занимаемой ими должности, исполнить решение государственной власти: первый - объявить приговор Государыне, а второй - двинуть в Восточную Пруссию две армии, не закончившие формирование по мобилизации, несмотря на то, что это обоих тяготило и они заранее знали, что многие будут их за это осуждать.

Теперь перейду к рассмотрению обстановки, которая сложилась при вручении генералу Корнилову бумаг для объявления Государыне положения Ее под арестом.

Факт отречения Государя и все попытки найти Ему наследника провалились и сделали армию законопослушной. С врагами революции расправа была одна - мученическая смерть. Всей своей жизнью генерал Корнилов доказал, что он к выполнению своего долга шел прямо и в выборе способа исполнения преследовал только пользу для России. Самое главное в этой трагедии тогда было спасение Семьи Государя от смерти, но, как это ни печально, решение временного правительства не склонялось к этому. Оставалось трагически попавшему в этот водоворот генералу Корнилову два выхода: отказаться от исполнения приказа, за что он, безусловно, мученически был бы ликвидирован, или, заранее приняв на себя тяжелый крест от хлестких критиков, подобных автору данной книги, проснувшихся только в эмиграции, в доступной для того момента степени смягчить участь Царской Семьи, так как при его отказе это с удовольствием выполнили бы представители "красы и гордости революции" из Балтийского флота, с приемами, многим из нас хорошо известными, а возможно и с роковым исходом. Генерал Корнилов от начала и до конца был врагом Керенского, а поэтому был всегда под контролем, текста объявления приговора изменить не мог, но превратил все это в сухое исполнение приказа правительства и этим избавил Семью Государя от ужасных последствий издевательства. Теперь можно сочинять все, что угодно, но пока живы свидетели тех дней и они передают, что они сами видели, знали и слышали тогда.

В 1919 году я с поручиком Андриановым был командирован от Корниловского Ударного полка в Крым для охраны Высочайших Особ, где я попал в конвой, как тогда называли, Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны. Когда я ехал в Крым, то эти же мысли сверлили мне голову и я боялся, что Ее Величество, как Мать Государя, не поймет подвига генерала Корнилова и не примет от Корниловского Ударного полка его символического жеста внимания и просто заявит, что в моих услугах не нуждается. Но при представлении Ее Величество подала мне руку, сказала, что Она хорошо знает Шефа моего полка, генерала Корнилова, и во все время моего пребывания в охране при встречах была ко мне внимательна. Даже в последний день Ее отъезда из России, когда я стоял в парке на охране участка и сделал Ее прощальный салют винтовкой, Она в ответ несколько раз склонила Свою голову. I. в этом я и тогда и теперь вижу, что жертву генерала Корнилова Она понимала.

Стр. 57. Генерал Кириенко, в доказательство грубости генерала Корнилова при объявлении Государыне об аресте, приводит выдержку из письма неизвестного автора, под конец оказавшегося Свиты Его Величества генералом Маннергеймом, где генерал Корнилов, якобы, сказал Государыне: "Гражданка А.Ф. Романова, встаньте и выслу-

шайте повеление временного правительства!".

Хотя теперь и объявлена фамилия автора письма, но показать его в доказательство автор книги не мог, оно испарилось. В печати было помещено для опровержения этого провокаторского приема, что копия этого письма генерала Маннергейма не отвечает содержанию подлинника.

Обвинение генерала Корнилова в самом факте ареста несомненно уже потому, что об этом было постановление временного правительства, что фактически избавило Царскую Семью от расправы толпы.

Видевшие генерала Корнилова после этого, и в числе их был и генерал Архангельский, свидетельствуют о его сильном потрясении.

Что же касается обвинения генерала Корнилова в том, что он сменил старую охрану, то на это я должен сказать, что об этом я тогда в Петрограде знал от многих.

Во первых, это было в постановлении временного правительства.

Во вторых, десятки лет отрыва от действительной картины происходившего тогда, теперь - в эмигрантской спокойной обстановке, толкнули старичков на "сусальности", которые предисловием Потоцкого нам строго запрещены. Неужели эти господа думают, что временное правительство, решившееся на революцию во время войны, будет настолько благородно, что оставит Царской Семье после ареста и верный Ей старый конвой?

Генерал Кириенко и Ко свою несостоятельность в обвинениях генерала Корнилова в грубости при объявлении Государыне положения под арестом стараются закамouflировать какой то таинственностью, уверяя, что при этом присутствовало только одно лицо, которое в своих показаниях не отметило грубости генерала Корнилова, но они этим не смущаются и из того, что свидетель не рассыпался в комплиментах, выводят убийственное для генерала Корнилова заключение. Все показания того времени лиц, близко стоявших к разбираемому вопросу, до генерала Архангельского включительно, копия которого у меня имеется, удостоверяют, что во время процедуры объявления приговора генерал Корнилов был не с одним лицом и что он исполнил свою тяжелую миссию с максимальной тактичностью и с целью избавить Семью Государя от расправы настоящей банды "красы и гордости революции".

Награждение унтер-офицера Кирпичникова Георгиевским крестом генералом Корниловым "за убийство своего командира", это обвинение связано с желанием доказать, что он заранее был связан с революцией, а потому то он и был первым революционным командующим Петроградским Военным Округом.

Согласно показаниям генерала Архангельского, назначение генерала Корнилова исходило от временного правительства, а последнее руководствовалось распоряжением Государя Императора, отданным Им еще до отречения. Таким образом, генерал Корнилов, приехав в Петроград, исполнил только волю Государя Императора и приказ

своего начальства, следовательно о самовольном приезде в Петроград для участия в перевороте НЕ МОЖЕТ БЫТЬ И РЕЧИ (См. воспоминания генерала Лукомского, гл. 5-я, стр. 141 и 201). Те же источники свидетельствуют о том, что Лейб-гвардии Волянского полка капитан Лашкевич был убит выстрелом с чердака и личность стрелявшего не была установлена. Что же касается унтер-офицера Кирпичникова, то он к этому убийству никакого отношения не имел, а Георгиевским крестом был награжден за боевые подвиги на фронте. Это награждение, как и других чинов запасного батальона, состоялось согласно представлениям действующей Армии и генерал Корнилов прибыл в оный батальон именно в день вручения его чином Георгиевских крестов. А ко всему этому надо еще прибавить, что унтер-офицер Кирпичников не был даже революционно-настроенным и в батальоне пользовался репутацией строгого начальника, за что и получил от солдат кличку "мордобоя". Впоследствии мы его увидим в Добровольческой Армии и возможно, что сам хулитель генерала Корнилова, генерал Кириенко, знает о его участии. Откуда же родилась эта нелепая легенда о награждении унтер-офицера Кирпичникова Георгиевским крестом за "гражданские подвиги"? Мои личные впечатления о том же в результате почти двухмесячного пребывания с 178-м пехотным Венденским полком в районе казарм Лейб-гвардии Волянского запасного батальона совпадают с показаниями старого Волянца, генерала Архангельского, с группой офицеров того же полка. Прошу обратить внимание на то, что приведенное в книге письмо князя Авалова, младшего офицера запасного батальона Лейб-гвардии Волянского полка, в доказательство виновности генерала Корнилова, ни одним словом не упоминает даже о факте награждения Георгиевским крестом унтер-офицера Кирпичникова.

Стр 64 книги. Содержание этой страницы интересно для определения болезненного честолюбия генерала Кириенко и его скромной роли неудачника в первые дни нашего смутного времени. Здесь описывается, как он в Киеве формировал 1-й Георгиевский полк и упоминается, что одновременно где то формировались еще 2-й и 3-й Георгиевские полки. Он отмечает, что Верховные Главнокомандующие, до генерала Корнилова включительно, относились к нему благожелательно. Своею ролью командира 1-го Георгиевского полка, который в том же Киеве перешел к большевикам, генерал Кириенко, с переходом на фронт гражданской войны, всегда будет злоупотреблять, несмотря на то, что в его полку осталось только 16 офицеров и 10 солдат.

В то же время другие полки, как, например, Корниловский Ударный, по окончании формирования нормально утверждались со вручением знамени и отдачей об этом в приказе.

Посмотрим, как сам генерал Кириенко описывает, что из себя представлял его 1-й Георгиевский полк и он сам, его командир: "В описываемое время генерал Корнилов поссорился с Керенским и издал свои воззвания, в которых призывал всех верных сынов России

поддержать его против временного правительства для спасения армии и страны, ведомой этим правительством к гибели.

А после мы увидим, что тот же генерал Кириенко будет утверждать, что со стороны наших Вождей таких обращений не было, а он эти упущения исправил своими воззваниями и вот на них то и собирались добровольцы на Дон. "Громадное количество этих воззваний и передал мне секретно приехавший из Ставки полковник генерального штаба. Во исполнение переданной мне просьбы, я, полковник Святополк-Мирский и еще один полковник, занялись расклеиванием воззваний генерала Корнилова, скрываясь как тати".

Представление в таком виде себя и своего 1-го Георгиевского полка, где командир полка бежит и расклеивает воззвания, а его гг. офицеры и солдаты спят, как то не будет вязаться в будущем с историческими воплями самого генерала Кириенко о том, что жертва его 1-го Георгиевского полка и его, их командира, не была признана. А вот эти то воззвания генерала Корнилова и положили начало для сбора национальных сил, что верно восприняли на Северном фронте, откуда на Дон, Кубань и Терек поехали разведчики, в числе которых был и я. И это было до приезда туда генерала Кириенко.

Здесь интересно отметить, имел ли генерал Корнилов реальные силы в тылу для своего выступления ?

В книге генерала Головина № 23, стр. 136, они именуются так : " 1) Военная лига, 2) Союз Георгиевских кавалеров, 3) Союз воинского долга, 4) Союз чести Родины, 5) Союз добровольцев народной обороны, 6) добровольческой дивизии, 7) батальон свободы, 8) Союз спасения Родины, 9) Общество 1914 года и 10) Республиканский центр. Кроме того, существовали организации районные, полковые и т.д. "

Все это хотя и закончилось только изливанием верноподданнических порывов, на подобие как при крушении Монархии, но все же после из остатков этого резервуара текли добровольцы на Дон и по Корниловской линии.

В той же книге генерала Головина, на стр. 138, говорится: "Побежденный Керенским генерал Корнилов приобретает теперь в глазах офицерства такой ореол, который выдвигает его как неоспоримую главу контр-революции. Заключение же в Быхове становилось своего рода моральным стажем для выдвижения на верхи Белого Движения".

Здесь является очевидным, что зачатки формирования 1-го Георгиевского полка были неудачны, сам же генерал Кириенко признавал значение роли генерала Корнилова в борьбе за Россию и, плюнув на свой полк, самоотверженно расклеивал его обращение к русскому народу. Но теперь, в эмиграции, генерал Кириенко прозрел и вот как он заканчивает свою книгу: "Вообще, несмотря на личную храбрость, действия генерала Корнилова, как правило, оканчивались плачевно, тот же конец имело бы и Белое Движение, если бы судьба

не избавила Добровольческую Армию от этого незадачливого полководца, послав ему смерть от случайной гранаты"...лутко становится от того, что кадровый офицер Императорской Армии, бывший командир полка, кавалер всех доступных для него орденов, с такой злобой и иронией выражается о столь выдающемся генерале той же Императорской Армии, который, не в пример генералу Кириенко, принес в жертву свою жизнь ради спасения чести нашей Родины.

Неправда и то, что генерал Корнилов был убит случайной гранатой. Вы сами хорошо знаете, что место его штаба находилось под ураганным огнем артиллерии противника, направленным именно на его штаб.

А скажите, Ваше Превосходительство, у кого из наших Вождей Белых Армий борьба окончилась успешно? Нет, Вы лучше сознайтесь и скажите, почему Вы так ополчились на генерала Корнилова?

Думаю, что не ошибусь, если скажу: во первых, потому что Вы не получили в командование Корниловский Ударный полк; во вторых, за то, что генерал Корнилов отчислил Вас в резерв чинов за попытку стать самовольно вторым командиром Корниловского Ударного полка и, в третьих, за то, что историю с Вашим экипажем мы тогда знали не так, как Вы преподносите ее нам теперь.

Первую причину Вашей ненависти я сам имел удовольствие наблюдать, будучи офицером 3-й роты Корниловского Ударного полка. О второй нам известно из приказов, а о третьей нам поведали Ваши же Георгиевцы, влитые в наш 3-й батальон.

Стр. книги 69-я. Здесь генерал Кириенко описывает свою встречу в Киеве с Корниловским Ударным полком и, надо сказать, мешает его с грязью. Необходимо заметить, что в это время 1-й Георгиевский полк полковника Кириенко перешел на сторону большевиков, а командир его спасался в штабе Командующего войсками Киевского Военного Округа, подчинявшегося Верховному Главнокомандующему Керенскому, а Корниловский Ударный полк к этому времени за бои на фронте весь имел Георгиевские кресты и с Керенским порвал, входя же в состав Чешского Гусицкого корпуса, исполнял директивы генерала Корнилова.

В своей жестокой критике чинов Корниловского Ударного полка генерал Кириенко дошел до того, что говорит, якобы, генерал Корнилов собрал их для защиты революции и что они недостойны называться солдатами, так как они - добровольцы.

Действительность же того времени говорила о другом: 1) Командующий 7-ой армией лично приколот каждому Корниловцу Георгиевский крест, сказав: "за Отечество!", 2) когда Керенский, призывавший к защите революции, прислал Корниловскому Ударному полку за прорыв 20 Георгиевских крестов, то Корниловцы от них отказались, на что генерал Корнилов сказал: "Я так и знал!", 3) в прощальном приказе генерала Корнилова полку слова "революция" мы тоже не увидим: "Будьте и впредь как вы теперь. Все ваши мысли, чувства и силы отдайте Родине, многострадальной России. Живите,

дышите только одной мечтой о Ее величии, счастье и славе. Бог в помощь вам ! ", 4) только благодаря действиям Корниловского полка из Киева выехало Константиновское военное училище и сам полковник Кириенко с 16-тью своими офицерами и 10-тью солдатами.

Что же касается кириенковской "остроты" о том, что Корниловцы не могут называться солдатами, так как они - добровольцы, и вид то у них малообученных, я напомню ему случай из времен Отечественной войны 1812 года, когда Государь, принимая парад, заметил Кутузову, что такая-то дивизия слабо проходит, на что Кутузов ответил: "Зато дерутся то как, Ваше Императорское Величество!".

Таковым был тогда Корниловский Ударный полк, переживавший драму провокации Керенским их Шефа полка и ежедневно ведший кровопролитные бои на фронте и в тылу в борьбе с бандами, в числе которых был и 1-й Георгиевский полк полковника Кириенко, исключая его самого и 26-ти его чинов.

Тогда же в Быхове был выработан план дальнейших действий генералом Корниловым для себя и для Корниловского Ударного полка, который был вручен полковнику Неженцеву вместе с письмом, в котором он писал: "С твердой уверенностью в непоколебимой верности полка заветам, на основе которых он зародился, я шлю ему образ, которым Епископ благословил меня, как старшего из Корниловцев. Шлю полку мое благословение на новые ратные подвиги за честь России и ее Армии и сердечный, горячий привет Вам, всем гг. офицерам и солдатам".

Где же тут, Ваше Превосходительство, говорится о спасении революции? Солдатами же ударники названы самим генералом Корниловым, авторитетом и тогда и теперь немного большим, чем прозревший генерал Кириенко!

Отрицание позорного утверждения генерала Кириенко того, что он является со своим несуществовавшим 1-м Георгиевским полком основоположником Добровольческой Армии:

Для освежения обстановки того времени, которая определяла авторитеты и ставила их на свои места, необходимо сказать в самом начале:

Здесь, в вопросе первенства формирования Добровольческой Армии: генерал Алексеев, генерал Корнилов и полковник, тогда, Кириенко.

Зарождение и начало формирования Добровольческой Армии на Юге России не сразу свалилось с неба, а было следствием борьбы национальных и интернациональных сил в России в ужасный период революции во время войны.

Московское совещание (13-15 августа ст. ст. 1917 года), куда временное правительство пригласило отовсюду 1.925 делегатов, почти поровну разделило собравшихся на левых и правых, которые за истекшее бурное время с 5-го июня выставило своих кандидатов в диктаторы и от правых это был генерал Корнилов (кн. 26-я генерала Головина, стр. 148). Ему, как указано выше, выразили 31-го

августа ст.ст.десять военных организаций, это—помимо районных и полковых, готовность содействовать. Правых встряхнуло обращение генерала Корнилова к временному правительству: "Я, генерал Корнилов, вся жизнь которого, от первого дня сознательного существования и донныне, проходит в беззаветном служении Родине, заявляю, что Отечество гибнет..." и т.д.

Такая популярность генерала Корнилова впоследствии родила такой эпизод, единственный в мировой истории: Главнокомандующий, обвиненный в измене и предательстве Родины, получил приказание от главы правительства Керенского продолжать командование армиями, так как назначить другого нельзя (Генерал Головин, книга 24-я, стр.71: телеграмма генерала Лукомского от имени генерала Корнилова за № 6499, и ответ на нее было распоряжение временного правительства по радиотелеграфу, что все оперативные приказания генерала Корнилова, а также отдаваемые от его имени, обязательны для всех).

Таковым был генерал Корнилов.

За этим следует так называемая Быховская программа, с точным определением места для сбора национальных сил. Взятое все в совокупности говорит о том, что роль генерала Корнилова в создании Добровольческой Армии глубоко ушла корнями в русскую землю и указала даже место сбора.

Несмотря на все обвинения генерала Алексеева в измене Монархии, перечитывая документы его сношений с Государем, мы видим только одно: просьбы поспешить с принятием мер для спасения Монархии, России и действующей Армии (генерал Головин, кн. 1-я, часть 1-я, стр.55, телеграмма генерала Алексеева командующим фронтами). Что же касается факта его прибытия с первой партией его же организации из Петрограда, говорит о созданной и им там базе для борьбы за честь национальной России, откуда потом текли добровольцы на Дон.

Роль начальника штаба Верховного Главнокомандующего Русской Армией создала ему соответствующий ореол и из этого мы видим, что и генерал Алексеев имел за собой ту силу, которая шла за ним.

Посмотрим теперь, что из себя представлял тогда полковник, ныне генерал, Кириенко. Выступив на фронт в Великую войну в чине капитана командиром роты, он закончил ее командиром полка в чине полковника, получив все доступные для него боевые награды. Как офицер регулярной армии, он исполнил приказ Императора и принял присягу новому правительству. Однако солдатам он не понравился и они выгнали его из полка. В Киеве его усилия сформировать 1-й Георгиевский полк кончатся тем, что полк его переходит на сторону большевиков, а сам он, очевидно руководствуясь указаниями генерала Корнилова, воззвание которого он лично расклеивал в Киеве, едет с 16-тью офицерами и 10-тью солдатами своего полка на Дон. Для начала и по тому времени как будто все идет нормально, то есть он выполнял свой долг перед Россией, но с прибытием

в Новочеркасск, он по непонятным для нас причинам заболел манией величия.

Это вылилось в то, что он всю работу и служебное положение, вложенные двумя вышеупомянутыми генералам в дело формирования Добровольческой Армии, присвоил себе.

По слухам, ранее доходившим до меня, я думал, что это - шутка, но когда прочитал его книгу, то убедился, что он действительно заболел.

Из приведенных трех послужных списков мы видим, какое скромное место отводится генералу Кириенко, но он протестует и, для доказательства, двух конкурентов своих обзывает "предателями и изменниками", всегда все преувеличивает, но - в свою пользу, а иногда просто врет.

Для доказательства вышеизложенного я прибегаю к данным своей службы офицера-добровольца генерала Корнилова, к истории Марковского полка, Марковской артиллерийской бригады, книге генерала Богаевского и другим источникам. Числа указываются по старому стилю.

2-го ноября 1917 года в Новочеркасск прибывает генерал Алексеев со своей группой офицеров и в тот же день был принят Атаманом Войска Донского генералом Калединым. Вопрос шел о формировании Добровольческой Армии.

Почти во всех трудах отмечается, что этот день положил начало формированию Добровольческой Армии.

3-го ноября полковник Кириенко спокойно выезжает из Киева тоже на Дон со своими 26-тью чинами.

4-го ноября из Петрограда прибывает к генералу Алексееву партия капитана Парфенова в 27 человек.

Из этих двух партий была сформирована рота, командиром которой генерал Алексеев назначил капитана Парфенова. Из нее впоследствии был сформирован 1-й Офицерский полк.

Это число считается датой его старшинства.

6-го ноября полковник Кириенко прибывает в Новочеркасск со своими 26-тью чинами, в тот же день представляется генералу Каледину и заявляет ему о своем желании формировать добровольческие части, но в ответ на это получает указание Атамана, что с этой целью сюда прибыл 2-го числа генерал Алексеев со своими.

Во второй половине ноября в Новочеркасске были уже следующие части Добровольческой Армии: 1) - Сводно-офицерская рота, до 200 человек, 2) - Юнкерский батальон, до 250 человек, 3) - Сводная батарея Михайловцев и Константиновцев, до 250 человек и 4) - сформировалась еще и четвертая часть - Георгиевская рота, насчитывавшая в то время от 50 до 60 человек (это все, что было в то время у полковника Кириенко). Эти цифры заимствованы из книги "Марковцы".

Если к вышеизложенному прибавить, что сам полковник Кириенко тогда счел все же нужным явиться к генералу Алексееву, очевидно почувствовав значение его роли, тогда станет ясным, какой постыдный крах потерпел пункт первый обвинения наших Вождей генералом

Кириенко в том, что они незаконно присвоили себе первенство по формированию Добровольческой Армии. Далее, столь же постыдно и заявление генерала Кириенко о том, что он - единственная реальная сила у генерала Каледина и что это он разоружил и эшелонами выбросил из Новочеркасска запасные батальоны. Все это было предложено Атаману генералом Алексеевым и с утверждением его исполнено. В разоружении принимали участие: Сотня Новочеркасского Военного Училища, Юнкерский батальон и взвод юнкерской батареи. Георгиевской роты мы здесь не видим. Грузили эшелоны солдат и отправляли их на север тоже части Донские и Добровольческие, без роты полковника Кириенко.

Дальше, с 26-го ноября по 1-ое декабря идут бои за гг. Нахичевань и Ростов, где полковник Кириенко, по его словам, легко разбивает большевиков как единственная сила у генерала Каледина и победоносно неделю стоит в Ростове.

На самом же деле в этих боях были: Офицерская рота и Юнкерский батальон отряда полковника Хованского, сотня Новочеркасского военного училища с приданной ей Георгиевской ротой (полковник Кириенко), Пластунский батальон, отряд блиндированного поезда, оборудованного юнкерами генерала Алексева, с сотней казаков, два донских орудия, обслуживаемые тоже юнкерами и, со стороны Таганрога, сделали нажим идущие с фронта донские части, а с севера генерал Каледин бросил в последнее наступление все верные ему части. О своих потерях полковник Кириенко умалчивает, но у генерала Алексева было 150 человек убитыми и ранеными. Это Вам не прогулка, полковник Кириенко !

5-го декабря 1917 года очередной номер прибывающих к генералу Алексеву добровольцев был 1.801-ый, что является серьезным подрывом командиру Георгиевской роты полковнику Кириенко.

На стр. 78 книги мы читаем, что первая артиллерийская часть Добровольческой Армии была создана полковником Кириенко похищением двух орудий его поручиком Тимофеевым из села Лежанка Ставропольской губернии, сделавшим это в один день: Новочеркасск-село Лежанка и обратно (?).

Мы, старые добровольцы, знаем про это другое и это другое совпадает с описанием этого эпизода в книге Марковцев, на стр. 62-й: "Генерал Каледин был бессилен и не мог дать орудий и потому разработал с генералом Алексеевым план похищения их в селе Лежанка. Исполнители : 25 офицеров Офицерской роты, юнкера Новочеркасского Военного Училища и с ними Юнкерской батареи 10 офицеров, 5 юнкеров и вахмистр кн. Черкасская. Набег производили из зимовника Сапрунова и прямо на Лежанку 25 юнкеров под командой лейтенанта Герасимова с поддержкой сотни донцов из ближайших станций. Отряд выступил из Новочеркасска 2-го декабря и вечером был в хуторе Веселом. Только 6-го декабря отряд добрался и стал в семи верстах от села Лежанка и в 22 часа напали. Под утро из села

вывезли 2 орудия, 4 зарядных ящика, подводы с 501 снарядом и другим имуществом.

9-го декабря отряд благополучно прибыл в Новочеркасск и эти два орудия были первыми на вооружении Добровольческой Армии".

Таким образом операция потребовала полных семь дней, тогда как фантазия полковника Кириенко его выполнила в один день. Для чего это? Новочеркасск-Лежанка больше ста верст туда, и обратно столько же, всего же больше 200 верст.

Георгиевская рота полковника Кириенко, которую он не перестает именовать полком, не ускользает из поля зрения нашего и мы ее видим, когда после взятия Ростова, части Добровольческой Армии вернулись в Новочеркасск, получили пополнение и поэтому произошло переформирование.

Сводно-офицерская рота развернулась в четыре роты под номерами 2, 3, 4 и 5-я, каждая по 60 человек.

Под номером 1-м была Георгиевская рота.

Особенностью 3-й роты было то, что в ней были собраны чины гвардейских частей, почему она именовалась только "гвардейской", но не полком, как это делает полковник Кириенко. При переходе частей Добровольческой Армии из Новочеркаска в Ростов, мы снова читаем: "В Новочеркасске остаются две офицерские роты и Георгиевская, полковника Кириенко".

Вышеизложенное является смирительной рубашкой для полковника Кириенко, так как на самом деле от своих 26 человек поднялся только до Георгиевской роты в 60 человек, как и у всех.

После смотра 5-ой роты, генерал Алексеев переименовывает ее в 1-ую роту, которая разворачивается в батальон в 200 человек и командиром батальона назначается полковник Борисов. В батальоне было четыре роты.

К этому времени в Ростове полковником Симановским был сформирован партизанский, чисто офицерский, батальон имени генерала Корнилова в составе четырех рот из 500 человек.

Я, полковник Левитов, после ранения в тылу у красных, попал в 3-ю роту этого батальона.

В это же время и полковник Кириенко, по его словам, имеет три роты малого состава и занимает участок у Матвеева Кургана.

Теперь же генерал Кириенко вспоминает об этом так: "На душе становилось все более и более смутно. Ни генерал Алексеев, ни генерал Деникин, ни генерал Романовский, ни генерал Корнилов, приехавший в разгар боев моего Георгиевского полка у Матвеева Кургана, не сочли своим долгом посетить маленький, но уже с начала ноября дравшийся мой 1-й Георгиевский полк и этим показать, что и они прибыли для борьбы, спасти Россию". (Генерал Корнилов прибыл в Новочеркасск 6-го декабря ст.ст.).

Протрите глаза, Ваше Превосходительство, вспомните зарождение Белого Движения и не расточайте перлы ефрейторского красноречия по адресу тех Вождей, на зов которых и Вы с остатками Ваших

Георгиевцев сюда прибыли ! Здесь, как и всюду, генерал Кириенко умышленно искажает действительность: 1) Тогда 1-го Георгиевского полка у полковника Кириенко не было, 2) его утверждение, что его полк ведет бои с начала ноября, — сплошная ложь. Только в конце ноября действия его роты, и то без потерь, отмечены при наступлении на Ростов.

Даже два орудия из Лежанки позитили добровольцы генерала Алексеева с Донцами, а не Георгиевцы. 3) Нет, Ваше Превосходительство, дело борьбы за честь России в 1917 году не Вы начали и, если Вы тогда не могли отдать себе отчета в сложившейся обстановке, то теперь, в эмиграции, Вы имели достаточно времени, чтобы разобраться и не кричать на Вождей за то, что они, мол, по прибытии на Дон, не нашли нужным явиться к Вам !

Это гадко : Вы умышленно зачеркиваете все их усилия до переезда на Дон по борьбе за честь России с призывами к русскому народу поддержать их. Вы от Киева до Дона ехали спокойно, а генерал Корнилов с боями и большими потерями пробивался к нам, к месту сбора, им же намеченному, во главе Текинского полка. И генерал Алексеев с добровольцами своей организации первыми приехали. Вы блестяще служили в Императорской Армии на всем готовом, а когда нужно было все самому создавать, то чего то не хватало у Вас и Вы неосновательно озлобились и незаслуженно, ложно подтасовывая, вините во всем наших Вождей. 4) Почему гвардии полковник Кутепов или генерал Черепов не заявляли тогда таких претензий ? Значит, они выше Вас стояли и нормально думали, что не дело Вождей руководить действиями рот. Полковник Кириенко и в генеральских чинах не меняет своего мнения и продолжает: "Они прибежали на Дон спасать свои жизни и присматривались, не пора ли им бежать к морю и дальше или, может быть, что либо и выйдет из попыток моего 1-го Георгиевского полка.

Вопль митингового оратора, на клевете и лжи разжигающего ненависть черни к нашим Вождям, в надежде, что мы, участники тех событий, больше не существуем, а слушатели его ничего никогда не читали.

Пусть помнят верные долгу Георгиевцы, что в своих возражениях их командиру, генералу Кириенко, так низко павшему под старость, я никоим образом не имею намерения как либо очернить их жертву в борьбе за честь России в описываемое здесь наше смутное время.

Брете Вы, Ваше Превосходительство, цинично и в нижеприводимом Вами: "А почти весь Георгиевский полк в открытой борьбе (за Веру, Царя и Отечество) сошел в могилу и никто не преклонит перед ним голову и теперь не желает признать за ним заслуженную им благодарность. Нет, ни генерал Алексеев, ни генерал Деникин, ни, тем более, генерал Корнилов, не были основоположниками и создателями Добровольческой Армии. Этими основоположниками были мы, Георгиевцы и я, их командир. И никаким непредрежденцам не удастся в освобожденной, восстановленной тысячелетней, Царской, самодержавной

России обманом прикрепить героический ореол изменникам и предателям. Божия Правда восторжествует !"

Да, она обязательно восторжествует ! Но до тех пор, пока Вы и Вам подобные не поймете, что историческая Россия была и страдалась на морали христианства, - России не бывать. Ее тело будут терзать чекисты диктатуры пролетариата. Какие же вы ходатаи за "Веру, Царя и Отечество", когда обвиняете без доказательств в самых ужасных преступлениях лиц, за которыми шли и сотнями тысяч сложили свои головы за честь Православной России ? Обвиняя других, сами Вы, по собственному Вашему признанию, были в том же виноваты. Почему же Вы одних обвиняете, а себя за то же оправдываете ? Не является ли все это только тактическим приемом нашего общего врага для нашего разложения ? Знайте и то, что русский патриот любит правду, а всякого рода подтасовки, приправленные митинговой бранью, с презрением отбрасывает. Какой особой благодарности для своего 1-го Георгиевского полка и для себя, как его командира, Вы требуете ? Из Ваших трудов по формированию его видно, что из этого ничего не вышло, в Киеве он ушел к большевикам. Приказа о признании Вашего формирования полком не было. Оставшихся же Вам верными 26 человек никто конечно, не имеет права признать за полк. Для сравнения Вам необходимо ознакомиться с материалами Корниловского Ударного полка генерального штаба капитана Неженцева, где Вы найдете начало и конец формирования полка, с отдачей об этом в приказе по Армии, с парадом и вручением полку знамени и шефства. И дрался он на фронте Великой войны так, что под конец все его солдаты имели Георгиевские кресты. А штат его был нормальным для солдат и офицеров пехотного полка Русской Армии.

Обвинение генералом Ёриенко Корниловского Ударного полка в том, что он в своем боевом гимне первое время пел: "Царь нам не кумир..."

Нельзя отрицать, что о Монархии тогда мало кто думал; этот образ правления самоуничтожился с позором для всех. Это большевики подметили и кричали нам "опричники Царя !", думая этим приклеить нам самый позорный ярлык. И нам довольно часто приходилось, совершенно спокойно и без желания унижить старое прошлое, отвечать, что эта страница пока закрыта для России и что в данное время все должны вести борьбу за национальную Россию против интернациональной диктатуры пролетариата. Такое широкое объединение в наших рядах всегда давало нам большое пополнение. Вообще же, о политике у нас не было принято говорить, ближайшая цель была ясна, нужно было создать силу для борьбы против Ленина и только после победы над ним создавать строй для пользы и величия Российской Империи. Неудачный куплет за ненадобностью очень скоро был отставлен, но единение широкого политического фронта в полку, как и во всей Добровольческой Армии, продолжалось до конца.

С выходом Добровольческой Армии в 1-й Кубанский поход, генерал Кириенко обвиняет генерала Корнилова в том, что он не пошел на Зимовники вместо Кубани. Это тоже не верно и мы тогда об этом знали. Теперь же мы по этому вопросу имеем авторитетное осуждение генерала Богаевского, бывшего тогда командиром Партизанского полка. В его книге "Ледяной поход 1918 г.", стр. 50, генерал Богаевский говорит: "В Ольгинской был решен вопрос о дальнейшем движении в задонские степи, на зимовники; генерал Корнилов принял это решение без ведома генерала Алексеева. Последний, узнав об этом, настоял на том, чтобы был собран военный совет старших начальников для детального обсуждения этого вопроса. Мнения в совете разделились. Большинство стояло за движение на Кубань... Екатеринодар был еще в Кубанской власти и, по слухам, там было много добровольцев... Меньшинство, и в том числе и генерал Корнилов и я, верили в то, что Дон скоро поднимется и надежда на соединение с походным атаманом генералом Поповым, который двигался туда с донцами, еще более укрепила нас в целесообразности движения на зимовники."

Однако победило первое мнение и решено было идти на Кубань. Приехавший Атаман генерал Попов склонил генерала Корнилова все же двигаться на зимовники. Наш конный авангард, стоявший в станице Кагальницкой, по приказанию готов был уже двигаться на восток, однако, ввиду все же затруднительности размещения по квартирам обоих отрядов и снабжения их продовольствием, было решено не соединяться... Жестокими словами описывает генерал Деникин тогдашнее настроение Донского казачества. К глубокому сожалению эти грустные слова Добровольческого Вождя справедливы!"

На вопрос генерала Кириенко о популярности генерала Корнилова в Добровольческой Армии, отвечаю по личному впечатлению: для строевых частей он был общим кумиром, что же касается генерального штаба, то ходили слухи, что между ним и генералом Алексеевым чувствовался холодок. Злобную клевету без доказательств генерал Кириенко переносит и на Корниловский Ударный полк, заявляя, что по рапорту генерального штаба полковника Неженцева генерал Корнилов решил формировать ударные батальоны с целью "защиты революции", тогда как на самом деле они были сформированы для прорыва укреплений противника и увлечения за собой "самой свободной армии в мире без дисциплины". Сам же генерал Корнилов всюду в своих приказах, в обращении к русскому народу, и в речах говорил только о борьбе за Россию, за Отечество, за Родину...

Генерал Кириенко сознательно клеветает на Корниловский Ударный полк за то, что он показывал как нужно воевать старым русским полкам, когда он отлично из вышеизложенного знал о его назначении, но если тогда полковник Кириенко мог наблюдать, как Корниловский Ударный полк отбивал атаки его 1-го Георгиевского полка в Киеве, когда он был уже с большевиками, или останавливал другие, бегущие с фронта полки, то это же ведь были банды или

открытые враги национальной России, а не когда то славные полки.

Всю эту клевету генерал Кириенко плетет с целью уменьшить удар по его болезненному тщеславию от того, что при переформировании в станице Ольгинской Добровольческой Армии, его отряд, около 120 человек, был влит в 3-й батальон Корниловского полка, а сам он не только не получил полка, но даже и батальона. Собственно, обиды не должно было быть, так как командирами полков были более достойные, чем полковник Кириенко, но он и теперь еще не может забыть этого. Тогда же он начал вмешиваться в жизнь полка и даже дерзал приказывать своим бывшим Георгиевцам, изображая из себя второго командира полка, но это дошло до генерала Корнилова, который вызвал его к себе и сказал: "Вы должны знать, что двух командиров быть не может" и добавил "я зачисляю Вас в резерв. Можете идти !" Точно, ясно и понятно ! Таково было внушение полковнику Кириенко, но генерал Кириенко и ныне не сдаётся и размышляет: "полагаю, что главной причиной была моя и моего полка верность и преданность Императору". Простительно, что к старости многое забывается, но вот я теперь с одним Вашим Георгиевцем по прочтении этого вспомнили, что Вы сказали при прощании с ротой: "Служите верно, так как генерал Корнилов ведет борьбу за Россию !" Значит время то тогда другое было и Вы тогда это понимали, но теперь почему то вспомнили о Вашей верности Императору. Быть может верность свою Императору теперь Вы видите в Ваших трех предполагавшихся попытках идти на спасение Его и Его Семьи ? Я и здесь с Вашими доводами, Ваше Превосходительство, никак согласиться не могу и принимаю их за плохую и неуместную шутку, а свой заготовленный ответ на это поместить не могу из за отсутствия у меня франков; не стоит их тратить на это.

А все же причиной, почему Вы не получили в командование Корниловского Ударного полка было не то. был же тогда командиром Офицерского полка генерального штаба генерал-лейтенант Марков, открытый монархист.

На стр.111-й идет сплошное извержение ненависти прозревшего генерала Кириенко по адресу генерала Корнилова. Здесь генерал Корнилов опять обвиняется в призыве казаков станицы Кореновской защищать "свободу революции". Были на этом сходе и Корниловцы-ударники, но ничего подобного не передавали.

Генерал Корнилов призывал там казаков вступать в наши ряды для защиты своих казачьих свобод, дарованных казакам еще Императорами и которые теперь большевики у них отбирали. Генерал Корнилов, будучи сам казаком, хорошо знал казачий быт, а потому и обращал их внимание на их жизненные интересы.

Что же касается того, что будто на том же митинге генерал Корнилов сказал, что он имел счастье арестовать изменницу-Царицу, то это судий вымысел, ибо не таков был характер генерала Корнилова, чтобы вести себя перед толпой так, как то описывает генерал Кириенко: "полускрыто и украдкой в толпу". Прямолинейность генерала

Корнилова известна всем, но нам известно еще и другое: у генерала Кириенко всегда и везде, где нужно закемуфлировать какую либо неправду, появляется на сцену какая то таинственность..... Письма, где автора не могут назвать, или само письмо пропало, рота именуется полком, а что касается тоекратной попытки генерала Кириенко спасти Государя, так его каждый раз "отговаривали" таинственные адъютанты генерала Алексеева.

Изменницей генерал Корнилов не мог назвать Императрицу, потому что всем известный суд, учиненный временным правительством специально по этому поводу, Ее оправдал.

Не мог генерал Корнилов сказать и того, что он имел "счастье" арестовать изменницу Царицу, так как по свидетельству всех лиц, причастных к этому, мы знаем, как тяжело он это переживал.

Стр.111-112 книги г.Кириенко, где говорится, что Добровольческая Армия в 1-м Кубанском походе жила грабежом, являются ложью, которую потом сам же генерал Кириенко и опровергнет.

Далее осуждается генерал Деникин за то, что были оставлены в станице Елизаветинской раненые. Я тоже, будучи раненым, частично переживал эту трагедию Добровольческой Армии, которая истекала кровью под Екатеринодаром и где новый командующий, генерал Деникин, приказал отступать.

Вторая бригада генерала Богзевского была в арьергарде, где Корниловский Ударный полк в составе 67 человек принял полковник Кутепов. Все повозки были переполнены ранеными. Отход начался с наступлением темноты, все движение шло мимо станицы Елизаветинской, где в школе лежали тяжело-раненые. Нас было трое в доме казака, который вошел к нам и сказал: "Я не могу вас провожать, но даю вам пару коней и дочку-подростка, править". Уложил нас троих казак, указал дочери, куда ехать и мы были спасены. Были ли силы и средства у Армии для того, чтобы подобрать и остальных? Оставшиеся в строю 67 человек в арьергарде изображали из себя какую то завесу, выполняя свой воинский долг и помимо них свободными оставались только "чины резерва", где и был полковник Кириенко.

Не припомните-ли Вы, Ваше Превосходительство, какое боевое задание тогда Вы выполняли? Во всяком случае, я Вас с оставленными тяжело-ранеными в школе не видел. Вы все других вините, а сами, прикрываясь нашими штыками, благополучно проделали весь 1-й Кубанский поход в обозе и почему то получили за это знак 1-ой степени, тогда как Вам полагалась 2-ая.

Вместо недостойной критики наших Вождей, лучше бы Вы взяли пример жертвенности с кубанского казака, спасшего нас тогда. В станице же Дядьковской предстоявшие тяжелые, форсированные переходы принудили командование оставить 119 человек, из которых большинство остались живы.

Ответ на стр.115 книги заканчивается мною так: подобного рода феномены редко встречаются и редко доживают до такой старости как генерал Кириенко, удостоивший нас таким перлом цинизма:

"Слава Богу, случайная разорвавшаяся граната убрала упорного, страшного вождя". С подобного рода моральными устоями Вам, генерал Кириенко, не восстановить Монархии, а, вернее всего, до этого само монархическое движение выбросит Вас из своей среды.

В дальнейшем, перед нашими глазами протекает обычная картина поведения генерала Кириенко: будучи монархистом, он в Кзную, монархическую армию генерала Иванова не едет, а работает на генерала Алексеева по части дипломатической.

Называя генерала Деникина и генерала Алексеева предателями и изменниками, он в то же время видит заботу последнего о Кзнной монархической армии.

На стр. 122-й своей книги генерал Кириенко упоминает о проведении "Быховской программы", что раньше он отвергал и на основании чего я выше утверждал, что не ему претендовать на славу основоположника Добровольческой Армии, так как ее начало и информация об этом были сделаны еще до выхода генерала Корнилова из Быхова.

Обвинение генерала Деникина в том, что он не пошел к адмиралу Колчаку, тоже голословно.

Я не знаю, что это нам дало бы, но с выходом на Московскую дорогу, например, Корниловский Ударный полк развернулся в дивизию трехполкового состава, имея более 200 пулеметов, свою артиллерийскую бригаду трехдивизионного состава, по три батареи в каждом, с пятью бронепоездами при подходе к Орлу, но только без кавалерии. Генерал Кириенко к этому времени неплохо устроился и был у нас в корпусе у генерала Кутепова комендантом штаба корпуса. Он присутствовал с генералом Кутеповым, когда генерал Деникин объявил, что он приказал Добровольческой Армии наступать на Москву и, по его словам, : "все обезумели и бросились его поздравлять".

"Один генерал Кутепов и я стояли унылыми, так как хорошо знали слабый состав полков и потери по вине Вождей того ВЫСОКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХА, КОТОРЫЙ БЫЛ В 1-ом КУБАНСКОМ ПОХОДЕ". Забыли, Ваше Превосходительство, что до этого про этот поход Вы говорили, что мы тогда жили грабежом ?

Генерал Кутепов не от того был грустно настроен, он знал хороший наш состав, но помимо этого он видел, что самостоятельность Вооруженных сил Юга России отвлекла генерала Деникина от фронта, директивы его многими не исполнялись, генерал Май-Маевский заболел запоем и мы остались без кавалерии против превосходных интернациональных сил на нашем участке.

На стр. 127-й генерал Кириенко уже который раз повторяет, что ему не дали исправить отступление Добровольческой Армии мобилизацией в Ростове и все это потому, что тогда они не знали роли трех "Беликих Вождей", Алексеева, Корнилова и Деникина. Странно, после революции тогда прошло два года гражданской войны, а генерал Кириенко все еще не мог разобраться в обстановке и не нашел

изменников и предателей.

Неужели к этому "незнанию тогда" можно отнести: Ваше оспаривание звания основоположника Добровольческой Армии, несмотря на Вашу явную клевету, похищение орудий из Лежанки в одни сутки, упорное именование Вашей Георгиевской роты - 1-м Георгиевским полком, Вашей роли при ликвидации запасных батальонов в Новочеркасске, искажение участия Вашей роты при взятии Ростова, утверждение, что только Вы сдерживали армию Сиверса, отсутствие знакомства со службой наших Вождей и роли их в революционные дни, вплоть до ареста генералом Корниловым Государыни Императрицы Александры Феодоровны и т.д. и т.д. ?

Вы же командир полка Императорской Армии, отлично аттестованный по Вашей специальности, с подчеркиванием наличия у Вас широкого общего образования; как же, при всем этом, могло получиться, что почти все Ваши действия т о г д а Вы осознали только т е п е р ь ?

Вы - или ненормальный в данное время, или таков, каким я представил Вас читателю, в пределах моего кругозора, или же... Вы попались на чью то удочку и клюнули глубоко, утопив Вашу былую доблесть и честь...

Ну, что же, посмотрим, чем Вы дальше нас удивите...

Стр. 131-я. "Генерал Деникин, как всегда старавшийся быть поближе к морю и подальше от места, где стреляют, поспешил сесть на английский крейсер и уехать в Англию, где получил титул лорда за оказанную Англии помощь по разрушению Православия, Царя и России. А, главное, - принял титул лорда !"

Привожу прохождение службы генералом Деникиным, военная карьера которого представляет пример того, как простой армейский офицер, без связей и протекции, благодаря только своим дарованиям и редким качествам боевого офицера, преодолевая все препятствия, достигает высшего положения в военной иерархии. Во время японской войны, за боевые отличия, он производится в полковники на 15-ом году своего производства в офицеры и всего только после трех лет своего пребывания в генеральном штабе, случай исключительно редкий. Перед войной 1914 года он - генерал для поручений в штабе Киевского Военного Округа. С началом войны - Генерал-Квартирмейстер 8-й армии. По его ход атайству получает 4-ую стрелковую бригаду. В сентябре 1914 года награждается золотым оружием и орденом Св. Георгия 4-ой ст. За бои под Лутовиском - орденом Св. Георгия 3-ей ст. Его бригада разворачивается в дивизию. В боях под Луцком его дивизия берет в плен 158 офицеров и 9.773 солдат и за это генерал Деникин производится в генерал-лейтенанты и, в исключительном порядке, получает золотое оружие, украшенное бриллиантами.

В 1916 году генерал-лейтенант Деникин - командир 8-го армейского корпуса. В 1917 году он - начальник штаба Верховного Главнокомандующего, генерала Алексева. Дальше - Главнокомандующий

армиями I го-Западного фронта.

За этим следует его заявление о солидарности с генералом Корниловым и Выховская тюрьма. Бегство на Дон, 1-й Кубанский поход и он - Командующий Добровольческой Армией и, потом, Вооруженными силами I го России.

Таков славный путь генерала Денкина, пройденный им на наших глазах... И генералу-ли Кириенко обвинить его в трусости? Низко и подло!...

Заканчиваю мой разбор книги генерала Кириенко указанием на то, как низко пал автор книги в своей клевете на генерала Корнилова, используя для этого провокацию офицера враждебной нам тогда армии, с целью дискредитировать наш высший командный состав русской действующей армии.

Для этого г. Кириенко выбирает, по словам предисловия Потоцкого, никому до сих пор неизвестные и чрезвычайно пикантные подробности побега генерала Корнилова из плена.

Об этих подробностях, по словам автора книги, повествует выпущенный из австрийского плена в 1917 году генерал Васильев (имя не указано), которому по этому случаю начальник лагеря устроил банкет и на нем рассказал "правду" о бегстве генерала Корнилова из лагеря. По словам австрийца, генерала Корнилова "обрабатывали" часто приезжавшие к нему штабные офицеры и когда убедились, что генерал Корнилов "созрел" для революции, приказали переправить его через фронт, что и было исполнено. Генерал Корнилов на автомобиле был доставлен на позиции, где и перешел на нашу сторону.

Кто такой генерал Васильев, почему ему по случаю его выхода из плена был устроен банкет с тостами и сообщениями "секретных распоряжений", покрыто мраком неизвестности.

Конечно и название лагеря, откуда отвели генерала Корнилова, не указано, всюду таинственность, включая сюда и высокий чин генерала для простого лагеря для пленников. Надо полагать, что сам генерал Васильев долго думал над этой загадкой и только И. Кириенко помог ему разгадать ее, но не думайте, что тогда-же, нет, что то около 1952 года.

Письмо с сообщением об этом генерал Васильев пишет генералу-от инфантерии слугу, который и отвечает на запрос И. Кириенко о его судьбе: "Да, письмо это было получено в мою бытность в Белграде, но на чье имя, не помню. Возможно, и даже вероятно, что правление Общества памяти Императора Николая 2-го было ознакомлено с его содержанием и что им было постановлено хранить это письмо в архиве правления. Архив не был вывезен из Белграда и дальнейшая судьба его мне неизвестна. Ваш В. слуг".

Таинственность и здесь соблюдена - письмо исчезло.

Материалы же для истории Корниловского Ударного полка содержат название лагеря, откуда бежал генерал Корнилов, имена соучастников его побега, суд над ними, их освобождение из крепости после

войны, награждение Мрняка чешским правительством за это и выступление его в печати и на собраниях с изложением подробностей.

Будучи в 1922 году в Болгарии, я одним из первых получил из Венгрии от своего однополчанина фотографию допроса генерала Корнилова во время его пленения и подтверждение известного побега его из плена.

В начале моего обзора книги генерала Кирсенко и теперь, заканчивая его, я задаю один и тот же вопрос: для чего эта книга написана и именно теперь ?

Уверен, что сделано это не без влияния красного кремля с целью опозорить наше дело борьбы за честь России.

13 февраля 1965 г.
Париж.

Полковник Левитов,
бывший Командир
2-го Корниловского Ударного полка.

З А К Л Ю Ч Е Н И Е.

"Хулу и клевету приемли
равнодушно

И не оспаривай глупца".

А. Пушкин

С таким же "равнодушием к клевете" можно было бы отнестись и к книге Кириенко, не оспаривая хулу, возводимую им на все то, что спасло честь русского имени, и на тех, кто во имя спасения этой чести поднял знамя вооруженной борьбы с большевиками.

Нет ничего легче, чем оболгать, очернить могилы вчерашних со-
ратников, а оставшимся в живых опоганить веру их во все, чему они
поклонялись и что считают своей гордостью.

"Только ценой отступничества от памяти генералов Алексеева,
Корнилова и Деникина вы можете заслужить прощение", возвещает
новоявленный пророк офицерской морали. "Ваша Белая идея стала
просто ненужным идолом, потому что она не похожа на мою, всепо-
беждающую", заявляет Кириенко.

Современники и участники Белого Движения уже привыкли к кли-
куществам такого рода. Но отсутствие на нее реакции легко может
создать у подрастающего поколения ложное представление о нашей
эпохе, если книга Кириенко попадет кому либо из них на глаза (на
это автор и рассчитывает). Дать биографические данные о личности
автора, вскрыть истинные мотивы, которыми он руководился при пи-
сании своей книги, указать на вопиющую в ней ложь и противоречия,
предостерегающе сказать о том, что "кириенки" лишь гнойник на те-
ле русской национальной эмиграции, деятельность которых осужда-
ют близкие им круги (справка генерала Олехновича приведена в со-
ответствующем месте), все это и является целью выпуска настояще-
го сборника, а не полемика с автором разбираемой книги.

Авторы статей, помещенных в сборнике, в большинстве своем жи-
вут в разных странах, поэтому стали неизбежными повторы, когда
речь идет об одном и том же авторе и о той же самой книге его.

Характерно то, что и автор и его книга всюду поняты единодуш-
но и одинаково. Положительных рецензий на книгу я нигде не встре-
чал. К сожалению, внезапная кончина генерального штаба полковни-
ка Пронина (в Бразилии) не позволила ему закончить уже наполо-
вину написанную для сборника статью на ту же тему что и осталь-
ные.

М. Бояринцев.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK265.23
.K5
O88

11

—